

ДАНИЭЛА СТИЛ

Зов предков

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

Зов предков

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Зов предков / Д. Стил — «Издательство АСТ», 2010 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-114908-6

Две судьбы. Две женщины. Одна – прекрасная дочь индейского вождя, которая стала блистательной французской маркизой де Маржерак и оказалась втянута в водоворот бурной, полной приключений и смертельно опасной эпохи Великой французской революции... Вторая – ее далекий потомок, американский антрополог Бриджит Николсон. Ее карьера рухнула в одночасье, а жених-археолог разорвал отношения, и теперь, разыскивая в путешествиях материал для биографии маркизы, Бриджит ищет в ее жизни вдохновение, чтобы вновь собрать из осколков жизнь собственную... Две истории, разделенные столетиями, но переплетающиеся между собой в великолепном романе о любви и утрате, мужестве и бесстрашии!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114908-6

© Стил Д., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Даниэла Стил

Зов предков

Моим любимым детям – Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре.

*Пусть ваши дороги непременно ведут вас к мечте, свободе и миру
и пусть на пути вас наставляет добрый ангел, подобный Вачиви.
От всего сердца и с любовью, ваша мама / Д. С.*

Серия «Миры Даниэлы» Danielle Steel LEGACY

Перевод с английского В. А. Гришечкина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Danielle Steel, 2010

© Перевод. В. А. Гришечкин, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

БРИДЖИТ

За окнами валил снег. Сильный снегопад, начавшийся еще вчера, продолжался всю ночь и не ослабел даже к утру, но Бриджит Николсон почти не смотрела на улицу. Из-за непогоды она едва не опоздала на работу, но стоило ей перешагнуть порог своего кабинета в приемной комиссии Бостонского университета, как она тотчас забыла о разыгравшейся метели. Сев за стол, она придвинула к себе папку с бумагами и стала неторопливо и внимательно просматривать их.

Это были заявления абитуриентов, желающих поступить на тот или иной факультет Бостонского университета. Сотрудники приемной комиссии уже работали с этими документами, но Бриджит хотелось еще раз просмотреть их, чтобы убедиться, что порядок приема документов соблюден в точности. Процесс принятия решения по каждому из заявлений шел полным ходом – через полтора месяца университету нужно было ответить каждому из претендентов согласием или отказом. Бриджит не раз пыталась представить себе радость счастливых и огорчение потерпевших неудачу. Работать в приемной комиссии и знать, что держишь в руках судьбы тысяч молодых людей, решивших продолжить учебу, было нелегко, поэтому в это время года Бриджит всегда уставала больше обычного, что, впрочем, не мешало ей оставаться предельно внимательной и сосредоточенной. Правда, решение о зачислении принималось специальной комиссией, однако именно Бриджит приходилось просматривать и сортировать поступившие заявления и даже проводить индивидуальные собеседования с абитуриентами, если они настаивали на этом. В этих случаях она непременно прилагала к пакету вступительных документов собственные выводы и комментарии. Конечно, итоговый результат все равно зависел от школьной успеваемости, полученных на экзаменах оценок, рекомендаций учителей, внеклассной работы и спортивных достижений, однако в некоторых случаях именно ее впечатления от личной встречи перевешивали чашу весов в пользу абитуриента, и Бриджит всегда радовалась, когда ей удавалось кому-то помочь. В большинстве случаев, однако, вопрос стоял просто: сможет ли тот или иной абитуриент стать для университета ценным приобретением, и Бриджит старалась подходить к процессу отбора со всей ответственностью. Особенно внимательно она работала с представленными в приемную комиссию документами, стараясь отыскать среди характеристик будущего студента какие-то дополнительные плюсы, хотя ей и полагалось действовать в первую очередь в интересах университета, а не абитуриентов. Впрочем, ни телефонные звонки, ни электронные письма, которые обрушивали на нее попечители и директора школ, озабоченные перспективами собственных кандидатов, абсолютно на нее не действовали. Она всегда старалась сохранять объективность, благо, что в приемной комиссии Бриджит проработала больше десятка лет.

Своей принадлежностью к Бостонскому университету Бриджит очень гордилась. Неудивительно, что все эти годы пронеслись для нее как одно мгновение. Сейчас она была вторым заместителем председателя приемной комиссии; могла бы, наверное, стать и председателем, но от повышения Бриджит раз за разом отказывалась. Амбициозностью она никогда не страдала.

На работу в приемную комиссию Бриджит пришла, когда ей было двадцать восемь, чтобы спокойно поработать над магистерской диссертацией по антропологии. После колледжа она некоторое время занимала место секретаря одной из университетских кафедр, потом провела два года в Перу и Гватемале, работая в социальном приюте для женщин. Еще год Бриджит работала в Индии и Европе, став уже бакалавром. Свою работу в области гендерных исследований она посвятила положению женщин в Колумбии.

Права женщин в слаборазвитых странах особенно интересовали Бриджит, и, поступая на работу в приемную комиссию Бостонского университета, она была уверена, что это – лишь временное занятие, которое позволит ей закончить свои исследования. Не последнюю роль сыграло и то соображение, что на этой должности она могла пользоваться богатейшей университетской библиотекой, насчитывавшей больше полутора миллионов томов. После защиты магистерской диссертации Бриджит планировала побывать в Афганистане и Пакистане, но... работа шла медленнее, чем она рассчитывала, и в конце концов она осталась в приемной комиссии. Удобные рабочие часы, неплохая зарплата и возможность свободно заниматься наукой – что еще ей было нужно? Сразу после магистратуры Бриджит начала работать над докторской диссертацией. Она ни секунды не сомневалась, что ей это по плечу, к тому же она успела полюбить спокойный, уютный мир академической науки. И хотя даже этот, уже привычный ей мир порой бросал нешуточные вызовы ее интеллекту и трудолюбию, в нем можно было укрыться от реального мира со всеми его сложностями, проблемами и недоразумениями. Для молодого ученого это был суший рай, и Бриджит чувствовала себя в нем полезной и нужной – и не только в качестве исследователя, но и в качестве сотрудника приемной комиссии, который делает важное и ответственное дело, помогая попасть в университет только достойным абитуриентам.

А абитуриентов в Бостонском университете всегда хватало. Помимо аспирантов, приемная комиссия ежегодно рассматривала больше тридцати тысяч заявлений от желающих получить образование именно здесь. Тех, кто недостаточно хорошо успевал в школе или получил низкие оценки на выпускных экзаменах, отсеивали еще на первом этапе, но по мере того, как количество абитуриентов сокращалось, Бриджит становилась все более внимательной. Аккуратность, методичность и внимание к деталям всегда были ее сильной стороной, и хотя докторская диссертация Бриджит все еще не была готова, она продолжала над ней работать, каждый семестр прослушивая курс лекций, которые могли расширить ее научный кругозор. Правда, ей уже исполнилось тридцать восемь, но своей жизнью она была довольна. В том, что степень доктора философии она рано или поздно получит, Бриджит не сомневалась. Кроме того, в последние семь лет она трудилась над книгой, главная идея которой перекликалась с темой ее диссертации: «Право на голосование и права женщин». Еще во время работы над магистерской диссертацией Бриджит написала на эту тему немало статей и накопила богатый материал для полномасштабного исследования. Она была уверена: предоставление женщинам избирательных прав в разных странах является важнейшим фактором, определяющим историческую зрелость той или иной нации. И еще – право на голосование во многом определяет положение женщин в обществе.

Коллеги, читавшие рукопись, хвалили выразительный слог и убедительные аргументы Бриджит, отмечали ее скрупулезный подход и умение работать с обширным социологическим материалом. Единственный недостаток книги, по их мнению, заключался лишь в том, что Бриджит слишком увлекалась деталями, которые порой заслоняли общую картину если не от нее самой, то от читателя. Бриджит, впрочем, знала за собой такой грех и старалась избегать подобных ошибок, которые считала дилетантскими.

По характеру она была человеком открытым и дружелюбным, профессионально подготовленным и ответственным. Трудолюбие, внимательность и равнодушие к любому делу, которым она занималась, стяжали ей репутацию человека приятного и надежного. Единственным изъяном ее характера, на который часто указывала Бриджит ее близкая подруга Эми Льюис, был чрезмерно рассудочный подход к любой проблеме. В своих поступках Бриджит руководствовалась в первую очередь разумом, а не чувствами, а Эми это никогда не нравилось. Бриджит со своей стороны считала излишнюю страстность скорее недостатком, чем достоинством, и недостатком небезопасным. Она считала, что стоит поддаться «страсти», как называла это Эми, и ты можешь утратить чувство перспективы и направления, сбиться с пути и в результате заблудиться на совершенно открытой местности. Сама Бриджит предпочитала

видеть впереди цель и двигаться к ней намеченным курсом. Рисковать, ставить на карту все, чего ты достиг за годы упорного труда, – это было не для нее. Бриджит нравилось считать себя человеком, на которого можно положиться, а разве можно в полной мере полагаться на человека, который способен совершать импульсивные, непредсказуемые и непродуманные поступки? Сама она всегда все продумывала и взвешивала, хотя и признавала, что это подчас мешает ей принимать решения достаточно оперативно. И все же подобный подход казался ей единственно верным.

Что касалось книги, то сама Бриджит считала ее готовой больше чем наполовину. В ближайшее время она планировала ускорить работу и закончить рукопись лет через пять – примерно к тому времени, когда она защитит свою докторскую диссертацию. Двенадцать лет, потраченных на исследование столь важной темы, как права женщин, казались ей вполне разумным сроком, тем более что одновременно она не только работала в приемной комиссии, но и писала диссертацию, что порой требовало посещения лекций и специальных семинаров. Она, однако, никуда не спешила. Ей казалось, что если она закончит книгу и диссертацию к сорока трем годам, это будет ее личным серьезным достижением. В дальнейшем будущее Бриджит не заглядывала, решив, что сначала ей нужно привести в исполнение уже имеющиеся у нее планы.

Эми, однако, эта неспешная, вдумчивая манера решения жизненных проблем изрядно раздражала. Бриджит не любила риск, не любила перемены. Эми считала, что подруга должна жить более полнокровной жизнью, реагировать на события непосредственно и спонтанно, а не обдумывать подолгу свой даже самый незначительный шаг.

Сама Эми была квалифицированным экспертом по проблемам семьи и брака и возглавляла университетский консультационный пункт. С любыми эмоциональными, интеллектуальными и профессиональными проблемами она разделялась быстро и решительно, щедро делясь с подругой советами и взглядами, которые подчас казались консервативной Бриджит чересчур революционными. Столь разительная несхожесть характеров не мешала им, однако, оставаться лучшими подругами.

Бриджит была высокой, стройной, чуть угловатой брюнеткой с темными глазами, высокими скулами и смуглой кожей. Нередко ее принимали за итальянку или марокканку, хотя на самом деле ее предками были французы и ирландцы. Именно от отца – чистокровного ирландца – она унаследовала свои прямые, иссиня-черные волосы. Эми, напротив, была миниатюрной блондинкой, которая легко набирала вес, стоило ей забросить диету и физические упражнения. Поддерживать форму ей было нелегко, поскольку Эми, как она сама не раз повторяла, любила жизнь «во всех ее проявлениях», любила с искренней и неподдельной страстью, которой, по ее мнению, так не хватало подруге. Подтрунивая над ней, Бриджит называла Эми гиперактивной, добавляя, что способности сосредоточиться у нее не больше, чем у блохи, что, впрочем, было явным преувеличением. Эми и вправду постоянно затевала что-то новое, бросаясь то на одно, то на другое, однако истина состояла в том, что ей без особого труда удавалось успешно заниматься сразу несколькими делами и проектами. Пока Бриджит сражалась со своей книгой, Эми успела опубликовать три брошюры о воспитании детей. Несмотря на то что она была не замужем, детей у нее было двое: в свой сороковой день рождения – после нескольких лет безуспешных интрижек с выпускниками и женатыми преподавателями – Эми обратилась в банк спермы. Старшему ее сыну было теперь четыре, младшему – год. Мальчишки порой сводили ее с ума, и тем не менее Эми чувствовала себя счастливой. Не раз и не два она подбивала Бриджит тоже обзавестись ребенком. «Тебе тридцать восемь, – говорила она, – и времени у тебя осталось не так уж много. С каждым годом твои яйцеклетки становятся старше, и кто знает, что с ними будет, когда ты наконец спохватишься?» Бриджит, однако, на этот счет не слишком беспокоилась – она верила в достижения современной науки, благодаря которым смогла бы зачать в гораздо более позднем возрасте, чем это было возможно тогда, когда была

молодой ее мать. Никаких сомнений относительно собственной способности родить ребенка и в сорок, и в сорок пять Бриджит не испытывала, поэтому пропускала предостережения подруги мимо ушей.

В душе Бриджит твердо знала, что дети у нее обязательно будут, и не из пробырки, а от Теда, за которого она когда-нибудь выйдет замуж. Должно быть, в самой атмосфере замкнутого академического мирка было что-то такое, что давало ей основание полагать, будто ей суждено оставаться молодой вечно, и хотя Эми много раз пыталась вернуть ее с небес на землю, утверждая, что они обе – женщины более чем зрелого возраста, Бриджит только отмахивалась. В это и в самом деле трудно было поверить, и не только им самим, но и каждому, кто взглянул бы на них со стороны. Ни Бриджит, ни Эми не выглядели на свои годы, да и чувствовали они себя молодыми и полными сил. Даже бойфренд Бриджит Тед Вайс, с которым она встречалась уже шесть лет, выглядел солиднее ее, хотя был на три года моложе. Впрочем, думал и поступал он порой совсем как мальчишка, и тогда Бриджит чувствовала себя рядом с ним... нет, не старой, но более мудрой и опытной.

Тед был археологом. Он учился в Гарварде, потом защитил докторскую диссертацию в Бостонском университете и вот уже шесть лет работал и преподавал на университетской кафедре археологии. В свои тридцать пять Тед был уважаемым человеком, профессором, преподавателем престижного учебного заведения, однако больше всего на свете ему хотелось совершить крупное научное открытие. Для этого Теду не хватало только одного – экспедиции, которую он мог бы возглавить. Бостонский университет вел раскопки в Египте, в Турции, в Индии, в Пакистане, в Китае, в Греции, в Испании и в Гватемале, и во всех этих местах Тед побывал, но еще ни разу ему не удавалось единолично руководить научной работой «в поле», что очень его огорчало. Бриджит прекрасно его понимала, хотя на раскопки с ним никогда не ездила. Время, когда Тед был в отъезде, она использовала, чтобы работать над собственной книгой: путешествия интересовали ее теперь куда меньше, чем когда она только окончила колледж. Зачем куда-то ехать, думала Бриджит, если и дома она чувствует себя счастливой?

И она действительно была довольна тем, как складывается ее жизнь. Хорошая работа, научная карьера, отношения с Тедом, которые вполне ее устраивали. Они жили каждый в своей квартире неподалеку друг от друга и встречались каждый уик-энд – как правило, у Теда, поскольку у него было просторнее. Кроме того, он любил готовить, а Бриджит терпеть не могла стоять у плиты. Общались они в основном со студентами-выпускниками и аспирантами, работавшими над диссертациями, а также с другими преподавателями. Вращаться в мире академической науки нравилось обоим, и хотя работу в приемной комиссии трудно было назвать исследовательской, Бриджит ею дорожила. Купаясь в атмосфере, где все было пропитано новыми интересными идеями, и Бриджит, и Тед чувствовали себя такими же молодыми, жадными до новых знаний, как и приходившие к ним студенты. Учиться, узнавать все больше и больше – такова была основа их жизни, и они посвящали этому все свое время. Конечно, и в Бостоне, как в других университетах, иногда случались склоки и мелкие ссоры, вызванные чьей-то завистью и амбициями, однако даже они не могли испортить удовольствия, которое оба получали от своего образа жизни.

Подобное родство душ сблизило их еще больше, и Бриджит не нужно было напрягать фантазию, чтобы представить себя женой Теда. Она знала, что рано или поздно они поженятся, но когда – Бриджит не могла сказать точно. В том, что Тед сделает ей предложение, она не сомневалась, но торопить события не хотела. Пока же в этом браке не было особой необходимости, поскольку ни он, ни она не собирались заводить ребенка. Когда-нибудь – да, безусловно, но не сейчас. Обоим казалось, что они для этого еще слишком молоды.

Правда, мать Бриджит часто высказывала те же опасения, что и Эми, – мол, годы идут, дочь не становится моложе. В ответ обычно Бриджит смеялась и говорила, что Тед никуда от нее не денется. Мать только вздыхала, а Эми качала головой. «Кто знает, – говорила она. –

Дай мужику хоть один шанс все испортить, и можешь не сомневаться – он им воспользуется». В ней, впрочем, говорил ее собственный плачевный опыт общения «не с теми» мужчинами, но даже Эми не могла не признать, что Тед – парень по-настоящему приятный: спокойный, уравновешенный, преданный.

Сама Бриджит открыто признавалась, что любит его, однако с Тедом они о своих чувствах говорили мало, как, впрочем, и о будущем. Оба жили настоящим, а оно было у каждого свое. В течение рабочей недели они общались мало, зато совместные выходные приносили им настоящее удовольствие. Они никогда не ссорились, и даже если по какому-то вопросу не сходились во мнениях, старались решить дело миром. Бриджит подобные отношения казались настолько близкими к идеалу, насколько это вообще возможно. Она вообще была довольна тем, как складывается ее жизнь. Стабильная работа, постоянный партнер, книга, которую она наверняка напишет и опубликует, – в пору самой себе завидовать! Ее, во всяком случае, это устраивало, хотя Эми и считала подобное существование пресным. Волнения и сюрпризы Бриджит были ни к чему, напротив, ей нравилось, что она в состоянии предвидеть, где она окажется и что с ней будет через год или через пять лет. Пусть у нее в жизни нет ярких, запоминающихся событий, зато она точно знает, как и когда достигнет поставленных целей. И пусть это случится не скоро, но ведь случится! Она напишет книгу, защитит диссертацию, выйдет за Теда замуж, а там можно будет подумать и о детях. Собственная жизнь подчас напоминала Бриджит долгое путешествие, когда не нужно никуда спешить или принимать спонтанные решения, когда есть время оглядеться или даже постоять на месте, чтобы определить наилучший – но не самый короткий – маршрут к поставленной цели. О предупреждениях матери и мрачных пророчествах Эми она почти не задумывалась. Ей казалось – все это относится не к ней, а к кому-то другому.

– Ну и чьи надежды ты намерена сегодня пустить по ветру? – спросила Эми с лукавой улыбкой, появляясь в дверях рабочего кабинета Бриджит.

– Зачем ты так говоришь?! – упрекнула Бриджит подругу. – Это ведь действительно очень серьезно... И ничьи надежды я разрушать не собираюсь, напротив, я должна убедиться, что абитуриенты прислали все положенные документы.

– Ага, чтобы потом университет мог им аргументированно отказать. Бедные, бедные дети! Я до сих пор помню эти ужасные письма. «Ваши успехи в последнем, выпускном классе произвели на нас благоприятное впечатление, – проговорила она, пародируя стандартное письмо с отказом, – только мы никак не можем взять в толк, чем, черт побери, вы занимались до этого и какого хрена вы взялись за ум всего за год до выпуска? Может быть, вы пьянствовали, принимали наркотики или просто валялись на диване перед телевизором? В общем, желаем вам всяческих успехов в вашей научной карьере – но только не в нашем университете, упаси Господь!» Черт, да я ревела каждый раз, когда получала эти унижительные отписки от университетских бюрократов, и моя мама тоже. Она была уверена, что в конце концов мне придется идти работать в «Макдоналдс», потому что меня больше никуда не возьмут. Мама всегда хотела, чтобы я стала врачом. Прошло несколько лет, прежде чем она смирилась с тем, что ее дочь – «просто социальный работник».

Бриджит покачала головой. Ей не очень-то верилось, что Эми плохо училась в школе, поскольку она как-никак окончила частный университет Брауна, получила степень магистра в Стэнфорде, а потом окончила Высшую школу социальных работников при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Всем, кто работал в Бостонском университете, был свойственен некоторый снобизм. В научном мире имело большое значение, где именно ты получил научную степень, сколько работ опубликовал. И если бы Бриджит была преподавателем, ей вряд ли удалось бы проработать над своей книгой целых семь лет. Коллеги уже давно вынудили бы ее опубликовать свой труд, который из-за этого мог выйти скороспелым, недостаточно глубоким, охватываю-

щим меньшее количество статистического и социологического материала. Это была еще одна причина, по которой Бриджит предпочитала работать в приемной комиссии, где ее никто не торопил, да и соревновательного духа, необходимого для успешного выживания в профессорско-преподавательской среде, ей недоставало. В отличие от нее Эми не только работала в университетском консультационном центре, но и вела курс психологии у студентов-старшекурсников, успешно справляясь и с тем, и с другим. Детей она оставляла в дневных университетских группах, где им был обеспечен хороший уход, а сама полностью отдавалась работе. Надо сказать, что Эми искренне любила молодежь вообще и своих студентов в частности. Именно по ее инициативе в Бостонском университете был организован «Телефон доверия» – специальная служба, которая работала с потенциальными самоубийцами. Когда Эми только начинала консультировать в университете, несколько молодых людей покончили с собой. Ее вины в этом не было, просто молодые люди и девушки обратились в консультационный центр слишком поздно. Подобные вещи случались и в других местах; вообще в последние годы количество самоубийств среди студентов выросло, и это серьезно беспокоило не только Эми, но и Бриджит. Именно поэтому она так болезненно относилась к подобным словам подруги: отказывая кому-то в приеме, говорила Эми, она ломает человеку жизнь. Быть может, Эми и была в какой-то степени права, однако Бриджит никак не хотела смотреть на свою работу с этой точки зрения. В отличие от подруги, которая привыкла выражать свои мысли прямо, нисколько не стараясь смягчать формулировки, она предпочитала говорить и действовать более осторожно, мягко и дипломатично. Что сказать, как сказать, когда сказать – подобного подхода Бриджит придерживалась во всех случаях, тогда как Эми в разговорах с друзьями и знакомыми выражений, как правило, не выбирала. Лишь с теми, кто обращался в консультационный центр, она была мягкой и предупредительной, но когда прием заканчивался, Эми снова становилась прежней – резковатой и несдержанной на язык.

– Хотела узнать, что ты делаешь сегодня вечером, – спросила она, усаживаясь на стул напротив рабочего стола Бриджит.

– Сегодня вечером? А что? Сегодня какой-нибудь особенный день? – удивилась та, и Эми закатила глаза.

– Нет, ты положительно безнадежна! Вообще-то да, особенный. Должен быть особенным, во всяком случае, для вас с Тедом. Ведь вы встречаетесь уже лет шесть, да?

Бриджит кивнула.

– Ну и что?

– Я так и знала! Между прочим, сегодня – День святого Валентина, знаешь? Цветы, конфеты, открытки с сердечками, предложения руки и сердца, обмен кольцами, ужин при свечах, великолепный секс и все такое прочее. Или вы с Тедом никуда не идете? – Она разочарованно покачала головой. Несмотря на то что ее собственная личная жизнь сложилась не слишком удачно, Эми была не чужда романтики, и, признавая достоинства Теда, она все же считала, что он мог бы вести себя несколько иначе. По-взрослому, по-мужски... Пока же отношения Теда и Бриджит больше напоминали школьную влюбленность, а вовсе не отношения двух зрелых людей, собирающихся связать друг с другом свои судьбы. Из-за этого что-то важное могло пройти мимо Бриджит, а Эми искренне переживала за подругу. Она считала, что в жизни каждого человека, а женщины в особенности, должны быть и большое чувство, и брак, и дети, но Тед пока не обнаруживал желаний связать себя с Бриджит семейными узами.

– Я думаю, мы оба как-то... забыли, – смущенно призналась Бриджит. – Тед работает над срочной статьей для «Университетского вестника», а я разбираюсь с вступительными документами. Их в этом году особенно много, а до принятия решения осталось всего шесть недель – за это время нужно успеть все просмотреть и отобрать достойных кандидатов. А еще мне нужно подготовить два сообщения к семинарам. И наконец, погода стоит отвратительная – в такой снегопад даже не хочется никуда идти.

– Тогда поезжайте домой и отпразднуйте Валентинов день в постели. Быть может, как раз сегодня Тед наконец-то сделает тебе предложение, – предположила Эми, но Бриджит только рассмеялась.

– Вряд ли это получится: ему нужно сдать статью к пятнице. Впрочем, не знаю, может быть, Тед и позвонит мне ближе к вечеру. Тогда мы что-нибудь придумаем. Закажем еду в китайском ресторане, к примеру суши. В конце концов, не такой уж это большой праздник.

– Напрасно ты так к этому относишься, – покачала головой Эми. – Пойми, я же за тебя волнуюсь. Не хочу, чтобы ты осталась старой девой, как я.

– Никакая ты не старая дева, – возразила Бриджит. – Да и мне это тоже вряд ли грозит. Мы с тобой просто незамужние работающие женщины. В наши дни это весьма многочисленная и уважаемая категория населения, поскольку подобный статус вовсе не болезнь и не проклятие, а сознательный выбор. Кроме того, женщины гораздо старше нас с тобой спокойно выходят замуж и рожают детей.

– Как библейская Сара, да? Сколько ей было, когда она родила своего первенца? Девяносто семь, кажется. Тебе не кажется, что и по нынешним меркам это немножечко чересчур? Да и в те времена рождение Исаака сочли чудом, к тому же Сара была замужем. – Эми многозначительно посмотрела на подругу, и Бриджит снова рассмеялась.

– Замужество – это у тебя такой пунктик, да? Особенно в отношении меня, – сказала она. – Сама-то ты, как я погляжу, не особенно стремишься замуж, почему же я обязательно должна стать замужней женщиной? Нам с Тедом и так хорошо. И вообще, в наши дни никто не спешит вступать в брак. Что же тут переживать?

– Я бы не сказала, что пожениться после шести лет регулярных встреч – такая уж большая спешка, – едко заметила Эми. – Напротив, я назвала бы это нормальным. Кроме того, ты давно уже не девчонка. Не успеешь оглянуться, как тебе стукнет сорок пять, а потом и пятьдесят – и все. Кончено! Твои яйцеклетки станут самой настоящей древностью, и Тед сможет посвятить им очередную статью для «Университетского вестника». – Она улыбнулась, но по глазам было видно, что Эми и не думает шутить. – Слушай, а может быть, ты сама сделаешь ему предложение, а то твой Тед что-то никак не раскачается.

– Не говори глупости. У нас еще полно времени, чтобы все как следует обдумать. Брак, семья – это очень ответственный шаг, поэтому я планирую сначала закончить книгу и защитить диссертацию. Мне хотелось бы стать доктором наук, прежде чем я выйду замуж: потом у меня уже не останется времени на исследовательскую работу.

– Тогда становись им поскорее. Вы с Тедом, по-моему, вообще никуда не торопитесь. Вам, наверно, кажется, что вы будете молодыми вечно, но это не так. Вы с каждым годом становитесь все старше, и когда вы спохватитесь, может оказаться, что уже поздно. Поверь мне, сейчас самое время подумать о семье и о детях.

– Не волнуйся, Эми, мы обязательно подумаем, но... не сейчас. Нам обоим нужно еще несколько лет, а потом... Кстати, а что ты делаешь сегодня вечером?

Бриджит знала, что Эми не ходила на свидания уже четыре года – с тех пор, как забеременела в первый раз. Своим детям она была целиком предана и поэтому полностью отказалась от общения с противоположным полом. Все ее время занимали любимая работа и мальчишки, и ей, естественно, хотелось, чтобы ее подруга тоже испытала, какой полноценной и счастливой может быть такая жизнь. К тому же у Бриджит был Тед; обе считали, что он сможет стать отличным отцом. Во всяком случае, студенты его просто обожали. Он был мягким, добрым, справедливым и умным – практически идеал мужчины. Именно поэтому Бриджит – да и все остальные тоже – любила Теда, который был по-настоящему отличным парнем.

– У меня свидание с моими замечательными сыновьями, – сообщила Эми. – На ужин у нас будет пицца и мороженое. К семи, я надеюсь, оба уже будут спать, так что я рассчитываю немного посмотреть телевизор и лечь пораньше. Не самый потрясающий план на День

святого Валентина, но меня он устраивает. – Эми улыбнулась и встала, бросив короткий взгляд на часы. У нее была назначена встреча с пациентом – студентом-первокурсником, которого направил на консультацию его куратор. Студент был иностранцем, он в первый раз покинул родину, поэтому неудивительно, что через полгода учебы успеваемость у него упала, а сам он погрузился в глубокую депрессию. Эми опасалась, что вывести парня из этого состояния с помощью простых консультаций не удастся. Судя по тому, что она узнала от куратора, дело могло закончиться направлением в клинику, где студенту пропишут курс сильнодействующих препаратов. Это был не самый лучший вариант, и она хотела все же побеседовать с парнем в надежде, что ей удастся что-нибудь сделать. Таких, как он, Эми встречала достаточно часто и успела накопить богатый практический опыт.

– А мне твой план нравится, – сказала Бриджит. – Что касается Теда, то, как я уже сказала, мы что-нибудь придумаем. Я позвоню ему и напому про праздник на случай, если он забыл. Быть может, он все же пригласит меня поужинать, несмотря на погоду.

Тед время от времени приглашал ее в ресторан – и по поводу, и просто так. Так же поступала и сама Бриджит. За шесть лет их отношения стали настолько близкими, что они давно не считались, кто кого должен приглашать. Какая, в конце концов, разница, если они всегда будут вместе? В этом последнем, кстати, Бриджит несколько не сомневалась. Для нее это было делом практически решенным, поэтому она не видела никакого смысла говорить об этом, обсуждать и тем более оформлять их отношения официально. Зачем, ведь оба были счастливы, и их любви ровным счетом ничто не угрожало. Кроме того – что бы там ни говорили ее мать и Эми, – такие отношения были в первую очередь удобными. Романтика, страсть – быть может, для подруги это и играло главенствующую роль, но Бриджит считала иначе, и Тед разделял ее мнение. По характеру они были людьми спокойными, сдержанными, не любившими спешки. Оба привыкли планировать свою жизнь, но это вовсе не означало, что их планы не могут измениться под влиянием обстоятельств. Именно поэтому они и предпочитали их не обсуждать – мало ли что может произойти.

Тед перезвонил Бриджит минут через десять после того, как Эми ушла. Он слегка запыхался – можно было подумать, что Тед чем-то взволнован, что было для него необычно. Неизменное спокойствие и самообладание были его сильной стороной.

– Что стряслось? – спросила его Бриджит, в свою очередь начиная волноваться. – У тебя все в порядке?

– В абсолютном, – уверил ее Тед. – Просто слишком много всякого свалилось... Слушай, как насчет того, чтобы вместе поужинать? – Он имел в виду поужинать дома: стенография их коротких бесед в течение рабочей недели была ей хорошо известна. Скорее всего, Тед собирался заехать к ней после работы.

– Разумеется. – Услышав об ужине вдвоем, Бриджит улыбнулась. Все-таки он не забыл! – У меня только что была Эми, она сказала, что сегодня – День святого Валентина. А я совершенно забыла, представляешь?!

– Черт, честно говоря – я тоже. Извини, Бриджит. Хочешь, пойдем куда-нибудь?

– Я как ты. Дома тоже можно посидеть, особенно в такую погоду. – Она бросила взгляд за окно. Снегопад еще больше усилился, снега на улицах намело почти на целый фут, и садиться за руль было довольно рискованно.

– Мне хотелось бы кое-что отпраздновать. Может быть, съездим к Луиджи? А потом, если захочешь, можешь заночевать у меня. – В течение недели Тед делал подобные предложения нечасто, как, впрочем, и сама Бриджит. Оба рано вставали на работу и предпочитали просыпаться в знакомой обстановке. Только по выходным они ночевали друг у друга.

– А что ты собираешься отпраздновать? – спросила Бриджит. Теперь она не сомневалась, что Тед чем-то взволнован, даже возбужден, хотя он и пытался справиться с собой и говорить спокойно.

– Мне бы не хотелось говорить заранее. Это сюрприз, понимаешь? И потом, о таких вещах по телефону обычно не сообщают. Я хочу видеть твое лицо.

– Ну и ну! – Бриджит покачала головой. – Похоже, тебе предложили возглавить кафедру, а то и факультет!

В ответ Тед рассмеялся как человек, у которого есть что скрывать, и Бриджит помимо собственной воли занервничала. На него это было совсем не похоже. Что, если Эми права и Тед все-таки решился сделать ей предложение? В конце концов, сегодня День всех влюбленных, вполне подходящая okazия... Но что она ему ответит?.. Бриджит даже растерялась – до того неожиданными показались ей собственные догадки и предположения.

– Не угадала! – Тед снова рассмеялся. – Давай встретимся, и я сам все тебе расскажу. Возьми такси, ладно? Я буду ждать тебя у Луиджи. Я знаю, знаю, что настоящий рыцарь должен был бы сам заехать за своей возлюбленной, но сегодня мне придется торчать на кафедре допоздна, и... Ну, ты понимаешь?

Она понимала.

– Конечно, я приеду. Встретимся в ресторане, – сказала Бриджит чуть дрогнувшим голосом.

– Я люблю тебя, Брид, – проговорил Тед, чем еще больше удивил Бриджит. Он редко говорил подобные вещи – только в постели, пожалуй, и она снова подумала: неужели пожелания Эми начинают сбываться? Размышляя об этом, Бриджит ощутила легкий приступ паники. Что, если Тед и в самом деле решил сделать ей предложение? Она не чувствовала себя готовой к чему-либо подобному, однако никакого другого объяснения странному поведению Теда ей на ум не приходило. В конце концов, промучившись неизвестностью еще некоторое время, Бриджит спустилась на первый этаж административного корпуса, где разместилась университетская психологическая служба, и постучалась в кабинет, где работала Эми.

Эми уже освободилась. Ее встреча с ностальгирующим первокурсником закончилась пять минут назад. К сожалению, без специализированной медицинской помощи обойтись было уже нельзя, и Эми пребывала не в лучшем настроении – как, впрочем, и всегда, когда ей приходилось подключать «тяжелую артиллерию» – психиатров и неврологов с их арсеналом таблеток и уколов.

– Что случилось? – спросила она у Бриджит, не сдержав тяжелого вздоха.

– Знаешь, Эми, ты, кажется, напророчила, – ответила та, входя в кабинет. – Мне только что звонил Тед и... он говорил со мной как-то странно.

– Как именно? – Эми живо заинтересовалась. Все, что касалось подруги, она принимала близко к сердцу.

– Он предложил поужинать вместе, но это не главное. У него для меня какой-то сюрприз. Я думала, ему предложили повышение, но он сказал – нет. Что, если он и впрямь решил сделать мне предложение, а? Господи, я так волнуюсь! Меня даже немного тошнит.

– Слава богу! – воскликнула Эми, и лицо ее просветлело. – Давно пора, если хочешь знать мое мнение. Наконец-то хоть один из вас решился. Вы вместе целых шесть лет – это намного дольше, чем существуют среднестатистические браки в нашей стране. Вы отлично ладите друг с другом – гораздо лучше большинства известных мне супружеских пар. В общем, можешь не волноваться: я уверена, у вас все получится.

– Но мы ведь не жили вместе, – возразила Бриджит. – Просто встречались каждое воскресенье, и...

– ...И ты, конечно, хочешь, чтобы так продолжалось и дальше. Сколько? Еще шесть лет? Десять? – Эми покачала головой. – Нет, дорогая, если Тед и правда решился сделать тебе предложение, я только «за». Жизнь, знаешь ли, коротка, и тратить ее на «встречи по воскресеньям» – это просто расточительство!

– Не понимаю, почему нельзя встречаться с человеком, которого ты любишь? Тем более что это устраивает нас обоих.

– А я вот думаю, что Теда ваши встречи устраивать перестали. Он хочет большего, и он абсолютно прав. Да и тебе нужно строить со своим бойфрендом нормальные отношения. Ведь рано или поздно у вас появятся дети, а детям нужна полноценная семья!

– Я все понимаю, просто... просто я не уверена, что брак – это именно то, что мне сейчас нужно. Как говорится, от добра добра не ищут... Зачем чинить то, что и так нормально работает? А наши отношения... они действительно хорошие. Нас они устраивают.

– Ваши отношения станут еще лучше, если у вас будет нормальный брак – союз двух любящих друг друга людей, будет семья. Нельзя же до старости оставаться... студентами. В нашей среде это теперь широко распространенное явление: мы до седых волос считаем себя детьми, потому что так нам удобнее, но на самом деле это далеко не так. Настанет день, когда мы поймем, что мы уже старики и что жизнь прошла мимо... А я не хочу, чтобы это случилось с тобой, Бриджит. И ты, и Тед – вы оба заслуживаете большего. Конечно, сейчас тебе немного страшно, но это пройдет. Не беспокойся, все будет просто отлично! Поверь мне. От тебя сейчас требуется только одно: набраться храбрости и сделать всего один маленький шаг, подняться на ступеньку выше...

В данном случае слова Эми относились не только к отношениям между Бриджит и Тедом, но и к ее карьере. Эми считала, что подруге не следует бояться ответственности; Бриджит давно могла возглавить университетскую приемную комиссию, но каждый раз, когда ей предлагали повышение, она отказывалась. Эми считала это ошибкой. С точки зрения психологии нельзя было оставаться третьим номером бесконечно, хотя сама Бриджит и считала, что должность второго заместителя председателя приемной комиссии подходит ей идеально, так как оставляет больше свободного времени для работы над книгой и диссертацией.

Бриджит действительно не стремилась стать руководителем высокого ранга. Подчиненное положение, считала она, оставляло ей куда больше личной свободы. И рисковать она не любила. В глубине души Эми была уверена, что это как-то связано с детством Бриджит. Как-то подруга призналась, что ее отец был настоящим авантюристом: он проиграл все деньги на бирже и покончил с собой. После этого мать Бриджит несколько лет работала не разгибая спины, лишь бы как-то удержаться на плаву. Неудивительно, что больше всего на свете Бриджит боялась риска – любого риска. Перемены, пусть даже это были перемены к лучшему, ее несколько не прельщали. Иными словами, Бриджит не стала бы ничего менять, покуда ей было удобно и комфортно, да и Тед, похоже, придерживался схожих взглядов. И все же вечно так продолжаться не могло. Эми была уверена, что настанет момент, когда Бриджит будет просто вынуждена двигаться дальше, как бы ее это ни пугало. Без риска, без опасностей, без перемен нет и не может быть никакого духовного роста – Эми понимала это, пожалуй, лучше многих. Вот почему она искренне надеялась, что Тед наконец-то решился предложить Бриджит руку и сердце.

А главное – Эми надеялась, что подруге хватит отваги это предложение принять.

– Не волнуйся, – повторила она. – Вы же любите друг друга, значит, у вас все будет хорошо.

– А вдруг я выйду за него замуж, а он умрет?! – неожиданно выпалила Бриджит, и ее глаза наполнились слезами.

Эми сначала не поняла, в чем дело, но потом сообразила, что Бриджит думает о своем отце, и покачала головой.

– Когда вы поженитесь и проживете вместе много лет... Да, через много, много лет один из вас умрет, но я бы не стала беспокоиться об этом сейчас. – Она выделила голосом последнее слово. Эми хотела успокоить подругу, но страх Бриджит оказался достаточно глубоким, и совладать с ним было нелегко.

– Я часто думаю об этом, – призналась она. – Я-то знаю, через что пришлось пройти маме, когда умер отец.

Бриджит тогда было всего одиннадцать, но она на всю жизнь запомнила, как плакала по вечерам ее мать, как она отчаянно пыталась найти дополнительную работу, чтобы хоть как-то поддержать себя и дочь материально. Всю жизнь мать Бриджит проработала редактором в издательстве и вышла на пенсию всего год назад. Только теперь у нее появилось время, чтобы заняться тем, о чем она всегда мечтала, но на что ей постоянно не хватало времени и сил: общаться с подругами, играть в бридж, заниматься фитнесом, собирать кулинарные рецепты и играть в гольф. Кроме того, в последние несколько лет она увлеченно составляла семейное генеалогическое древо. Эта кропотливая работа казалась ей интересной и захватывающей.

Бриджит, однако, не разделяла увлечения матери. Она предпочитала жить настоящим, а не прошлым – и даже не будущим, если на то пошло. Смерть отца нанесла ей глубокую психологическую травму; Бриджит пришлось даже посещать психоаналитика, который изо всех сил пытался ей помочь, но не особенно преуспел. Отца она в конце концов простила, однако страх остаться вдовой с маленьким ребенком преследовал ее до сих пор. Уж лучше вовсе не выходить замуж, считала она.

Вот почему Бриджит не любила рисковать. Любые перемены казались ей опасными, способными только ухудшить положение. Именно поэтому она так боялась, что Тед сделает ей предложение, – ведь это могло полностью изменить ее привычный мир.

Она так волновалась, что не утерпела и в конце рабочего дня – перед тем, как отправиться в ресторан, – позвонила матери. Ничего толком не объяснив, Бриджит сразу же заговорила о своем отце – о его необдуманном поступке, о том, что он оставил их на произвол судьбы. Она уже давно не позволяла себе ничего подобного, и мать сразу поняла – что-то случилось. Она попыталась расспросить дочь, но Бриджит ничего не стала объяснять.

– Скажи, мама, ты не жалеешь, что вышла за него замуж? – Еще никогда Бриджит не задавала матери подобного вопроса, и та встревожилась не на шутку.

– Разумеется, нет, – ответила миссис Николсон после довольно продолжительной паузы. – Ведь у меня была ты.

– Я имею в виду... остальное. Стоило ли оно всего того, через что тебе пришлось пройти потом?

И снова миссис Николсон довольно долго молчала. Она всегда старалась быть честной с дочерью – именно по этой причине их отношения были и до сих пор оставались близкими и доверительными. А трагедия, которую они вместе пережили много лет назад, сделала их связь еще прочнее. Не просто мать и дочь, но еще и близкие подруги – вот кем они стали с годами.

– Да, стоило, – ответила она наконец. – Я никогда не жалела, что вышла за него замуж, даже после того, что случилось. Я... я очень любила твоего отца. Понимаешь, Бриджит, жизнь так непредсказуема, в ней часто приходится рисковать. Рисковать и надеяться, что тебе повезет... Да, везет не всегда и не всем, но свой шанс упускать нельзя. Ты стала моей наградой за все те нелегкие времена, которые мне довелось пережить. Без тебя моя жизнь была бы ничемной и пустой.

– Спасибо, мама, – сказала Бриджит, и в глазах у нее заблестели слезы.

Они еще немного поговорили, потом миссис Николсон дала отбой. Теперь Бриджит немного успокоилась. Мать дала ей ответ на вопрос, который Бриджит подсознательно хотела задать уже давно. Даже после того, как отец оставил их без гроша и покончил с собой, миссис Николсон ни о чем не жалела. Что-то в этом роде Бриджит и надеялась услышать. Она по-прежнему не знала, готова ли она сказать «да», если сегодня вечером Тед все-таки сделает ей предложение – быть может, она вообще никогда не будет готова, – и все же Бриджит склонялась к тому, чтобы рискнуть. Воспользоваться шансом, как сказала бы мать. Быть может, ей повезет, и она никогда не пожалеет о принятом решении. Быть может, у нее тоже родится дочь,

и тогда однажды она скажет ей те же слова, какие услышала сегодня от матери. После разговора с миссис Николсон Бриджит больше верила в то, что твердили ей мать и Эми. И если Тед действительно сделает ей предложение, она ответит согласием – и будь что будет!

Уверенность не оставляла ее до самого вечера, когда, закончив работу, Бриджит вызвала такси, чтобы ехать в ресторан. По дороге она задумалась о Тед и вскоре почувствовала, как к легкой неуверенности, которую она, несмотря ни на что, продолжала испытывать, примешивается радостное волнение. В конце концов, она же любит его, а раз так, их брак обязательно будет счастливым. Счастливым, удивительным и прекрасным. Тед несколько не был похож на ее отца – он был уравновешенным, спокойным, очень ответственным. С ним она будет как за каменной стеной. Тед не допустит, чтобы ей пришлось пережить то, через что прошла когда-то ее мать.

Тед был уже на месте. Бриджит с улыбкой подошла к занятому им столику, и Тед поднялся, чтобы поцеловать ее. Выглядел он взволнованным и счастливым – Бриджит еще никогда не видела его таким. Его настроение, впрочем, почти мгновенно передалось ей, и она тоже почувствовала нарастающее радостное волнение. Вот-вот должно было произойти что-то очень важное, и Бриджит была к этому готова.

Тед заказал шампанское. Глядя друг другу в глаза, они чокнулись и пригубили холодный пузырящийся напиток. Несмотря на то что за окнами продолжал валить снег, атмосфера за столом была романтической и праздничной.

За ужином, впрочем, Тед ничего важного не сказал. Бриджит тоже не спешила задавать ему вопросы, стараясь привести свои мысли и чувства в порядок. Она видела, что Тед волнуется, и больше не сомневалась в том, что Эми угадала правильно. Он действительно собирался сделать ей предложение именно сегодня, и Бриджит была не прочь немного оттянуть этот момент – не потому, что боялась, а потому, что ожидание вдруг стало казаться ей приятным.

Наконец принесли десерт – шоколадный торт в форме сердца. Это был подарок от ресторана всем влюбленным парам, которые пришли сюда в День святого Валентина. Когда официант удалился, Тед снова посмотрел на Бриджит и широко улыбнулся. Он едва сдерживал себя, и Бриджит почувствовала, как исчезают ее последние сомнения и страхи. Мы все делаем правильно, подумала она. Эми не раз говорила ей, что их с Тедом отношениям недостает романтики, и сейчас Бриджит готова была с ней согласиться. Они оба действительно были очень сдержанны в проявлении своих чувств, но сегодняшняя вечер, похоже, искупал все, и Бриджит чувствовала, что никогда его не забудет. Страх перед будущим окончательно ее оставил. На протяжении шести лет они с Тедом любили друг друга по-настоящему, и не было никаких причин, которые могли помешать им сохранить свои отношения и дальше. В конце концов, они оба были учеными, исследователями, и у них были общие интересы – особенно после того, как Тед выбрал антропологию в качестве второй специальности. В последнее время он много помогал Бриджит в работе над книгой, и она знала, что может на него рассчитывать. Наконец, Тед Вайс был просто хорошим человеком, и она не имела ничего против того, чтобы соединить с ним свою судьбу.

Уверенность не оставляла Бриджит, и она терпеливо ждала, пока Тед говорил о том, как она ему нравится, как он ее уважает и восхищается ею. Наконец он сказал, что у него есть для нее замечательные новости – наконец-то сбывается мечта всей его жизни, и Бриджит подумала, что ничего более романтического она еще никогда не слышала. Да, этот вечер она запомнит навсегда! После шампанского голова у нее приятно кружилась, губы сами складывались в улыбку. В эти минуты Бриджит была на сто процентов уверена: она знает, что Тед собирается ей сказать. Рано или поздно это должно было случиться, но до сих пор Бриджит казалось, что пройдет еще несколько лет, прежде чем они оба созреют для решительного объяснения. Но, похоже, в этом она ошиблась; будущее наступило раньше, чем она ожидала. Теду оставалось только задать ей вопрос, теперь Бриджит твердо знала, как она на него ответит. Ее губы уже

начали сами собой приоткрываться, чтобы произнести коротенькое «да». А еще ей казалось – Тед не может не догадываться, каким будет ее ответ, ведь за шесть лет они изучили друг друга достаточно хорошо, и каждый заранее знал, как отреагирует и как поступит другой. Именно эта предсказуемость и помогала Бриджит чувствовать себя в безопасности.

– Это самая удивительная вещь, какая только могла со мной случиться! – волнуясь, говорил Тед. – И я думаю – ты тоже обрадуешься, когда узнаешь... – Он занервничал еще больше, и Бриджит почувствовала себя тронутой.

– Конечно, я обрадуюсь, – уверила она. Теперь ей уже хотелось, чтобы Тед произнес главные слова как можно скорее.

– Я, в общем-то, и не сомневался... Ведь я знаю, что ты человек добрый и щедрый. К тому же ты всегда поддерживала меня в моей работе.

– Я помогала тебе, а ты – мне. – Бриджит сочла необходимым вернуть комплимент. – Как же иначе?

Тед кивнул.

– Я знаю, твоя работа и твоя книга для тебя очень важны, поэтому я вдвойне тебе благодарен. Наверное, именно поэтому наши отношения и стали такими... Твоя Эми как-то говорила мне: мол, многие браки распадаются, потому что каждый из партнеров начинает тянуть одеяло на себя, но у нас, к счастью, не так.

Бриджит тоже кивнула. Ее работа никогда не была для нее тем, чем была для Теда его археология, и все же она была признательна ему за эти слова. Тед часто хвалил ее книгу – то, что она уже написала, и вовсе не потому, что чувствовал себя обязанным это делать. Он всегда считал, что женщины должны обладать теми же правами, что и мужчины. Книга Бриджит казалась ему важной и нужной.

– Я всегда буду тебе благодарен, – тихо сказал Тед, глядя ей прямо в глаза с какой-то необъяснимой грустью, но Бриджит решила, что так на него подействовала значимость момента. У нее самой в ушах словно гремели барабаны, и она едва могла слышать его слова.

– Даже не верится, что это происходит на самом деле, – добавил Тед чуть дрогнувшим голосом. – Я узнал об этом еще утром и едва утерпел, чтобы не сказать тебе сразу. Я... Сегодня мне предложили возглавить экспедицию. Я сам буду вести раскопки, представляешь?! Место очень перспективное, и я уверен – меня ждут сенсационные находки и важные научные открытия. К сожалению, у меня почти нет времени на подготовку – через три недели мне уже нужно быть в Египте, но я думаю, что справлюсь. Тебе, конечно, нелегко это услышать, но я уверен – ты поймешь меня правильно.

Он выпалил все это на одном дыхании и сразу откинулся на спинку стула, выжидательно улыбаясь.

А Бриджит не могла произнести ни слова. Новость буквально оглушила ее. Ей понадобилась почти целая минута, прежде чем она снова смогла дышать. Нет, не это она ожидала услышать!

– Тебе предложили возглавить экспедицию? – растерянно проговорила она. – И ты уезжаешь через три недели? Но как же... – Бриджит была потрясена до глубины души.

– Ты же знаешь, я подавал заявление каждый год, и каждый раз мне отказывали. Я почти потерял надежду, хотя мне и говорили, что когда-нибудь ситуация наверняка переменится. И вот это случилось. Меня посылают на раскопки только что обнаруженного пещерного храма, представляешь? Наконец-то сбылась моя мечта!

Бриджит едва не поперхнулась. А она-то почти поверила, что его мечта – это быть с нею!

Некоторое время она молчала, глядя на неразрезанный шоколадный торт в форме сердца, потом снова подняла голову. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы хотя бы казаться спокойной, – на самом деле ей хотелось зарыдать от острого чувства разочарования и боли.

Она была уверена, что Тед хочет сделать ей предложение, и была почти готова принять его, а оказалось... Оказалось, что никакого предложения Тед делать не собирался.

– А как же... мы? – проговорила она. Ей, впрочем, было уже все ясно, но Бриджит хотела, чтобы он произнес это вслух. Она больше не хотела гадать и строить предположения, тем более что речь шла о невероятно важных вещах. О самом важном, что только могло случиться в их... нет, в ее жизни. Пусть теперь Тед скажет, как он видит их дальнейшие отношения, если, конечно, какие-то отношения вообще будут.

– Ты должна была понимать, что рано или поздно произойдет нечто в этом роде, – рассудительно сказал Тед. – Ведь взять тебя с собой я не смогу. На раскопках для тебя вряд ли найдется работа, а если ты решишь поехать в качестве, гм-м... простой сопровождающей, тебе могут не дать визу. В самом деле, Бриг, что тебе там делать? Твоя работа здесь, и я знаю, как она для тебя важна. В общем... случилось то, что должно было случиться. Мы провели вместе шесть замечательных лет, и я очень тебе за них благодарен. И я действительно люблю тебя, но... Мне придется провести в Египте от трех до пяти лет в зависимости от того, как пойдут раскопки. Если все сложится удачно, мне могут поручить еще одну экспедицию, а я не хочу, чтобы ты ждала меня так долго. В такой ситуации самым лучшим для нас будет расстаться, и пусть каждый живет своей собственной жизнью. Другого варианта я не вижу, ведь мне придется уехать, а тебе – остаться. Все твои дела и твоя работа здесь, ты все равно не сможешь заниматься своей книгой или диссертацией в Египте, даже если бы я мог взять тебя с собой. – Он немного помолчал, испытующе глядя на нее. – Ведь мы оба – разумные люди, Бриг, и мы оба знали, что рано или поздно это случится. Разве не так? – добавил Тед после паузы, и Бриджит поразились тому, как спокойно звучит его голос. Сама она никак не могла оправиться от услышанного. Неужели Тед готов так легко с ней расстаться? Дескать, пока, крошка, спасибо за шесть приятных лет...

– Я, честно говоря, не ожидала ничего подобного, – проговорила она наконец. – Я... я думала, мы и дальше будем вместе. Может быть, даже поженимся... – Слезы, которые она не сумела сдержать, потекли у нее по щекам. Такого поворота Бриджит действительно не ожидала и никак не могла поверить, что все это происходит на самом деле.

– Мы никогда не обещали друг другу ничего подобного, – твердо сказал Тед. – Если мы и говорили об этом, то... чисто теоретически, но никаких планов не строили. Да что я тебе говорю, ты ведь и сама прекрасно это знаешь! Быть может, если бы мне не предложили возглавить экспедицию, тогда... Да и то... Знаешь, откровенно говоря, в последние год-полтора я пришел к выводу, что на самом деле я не тот человек, которому нужна жена, семья... То есть не в буквальном смысле. Наши отношения меня вполне устраивали, большего мне не было нужно. Да и ты, мне кажется, не из тех женщин, которые стремятся во что бы то ни стало выйти замуж и нарожать детей. Ты – такая же, как я. Думаю, именно поэтому наши отношения и были такими близкими и приятными.

– А мне казалось – это потому, что мы любим друг друга, – возразила Бриджит. – И я вовсе не стремилась выйти за тебя замуж «во что бы то ни стало». Просто мне казалось, что это будет только естественно и что когда-нибудь мы станем нормальной семьей... – В последние несколько часов Бриджит действительно позволила себе так думать и теперь чувствовала себя полной дурой. Теду явно не терпелось поскорее отправиться в свой Египет и начать ковыряться в каких-то древних развалинах. Без нее. О ней он даже не подумал, не говоря уже о том, чтобы предложить ей отправиться с ним. Бриджит ясно понимала, что в его планах этого не было.

– Ты еще можешь выйти замуж и родить детей, – успокоил ее Тед. – Но не за меня. Меня здесь долго не будет. Кто знает, какие находки ждут меня в Египте? Если место окажется интересным, я могу задержаться там на десяток лет, если не больше. А ты теперь свободная женщина... – Он вздохнул, но не с сожалением, а скорее мечтательно. – Как же мне повезло, Бриджит! Я ждал такой возможности всю жизнь, и вот мне представился уникальный шанс, и

я должен выжать из него все. Понимаешь, я не хочу связывать себя обязательствами, которые могут осложнить мою жизнь и помешать мне спокойно работать.

«Теперь наши отношения стали для него помехой! – с горечью подумала Бриджит. – А как же я?»

Тед будто прочитал ее мысли.

– Мне казалось, – проговорил он негромко, – что между нами существует что-то вроде негласной договоренности: мы вместе до тех пор, пока... пока мы вместе. И никаких обязательств, никаких планов на будущее.

– В том-то и беда с этими негласными договоренностями: каждая сторона интерпретирует их на свой лад, когда что-то случается, – нашла в себе силы сказать Бриджит. – Я-то думала, что наши отношения настоящие, что они – навсегда! А ты... – Ее голос прозвучал одновременно сердито и печально. – Я-то думала, что мы любим друг друга!

– Ты прекрасно знаешь, что для меня на первом месте всегда была моя работа, – возразил Тед, удивленный не столько ее словами, сколько тоном, каким она их сказала, и Бриджит вдруг поняла, что виноватым он себя не чувствует. И объяснять ему что-то бесполезно. Даже в ресторан Тед пригласил ее вовсе не для того, чтобы объясниться, а для того, чтобы вместе отпраздновать его удивительную удачу, выпить за успех его экспедиции. Он прекрасно понимал, что их отношениям теперь конец, но совсем не чувствовал себя виноватым. Их любовь была для Теда даже не жертвой, а всего лишь не слишком высокой ценой, которую он должен был заплатить за исполнение своей мечты. И он легко заплатил эту цену. Теперь для него не существовало ничего, кроме его дурацких раскопок!

Господи, как же она была слепа!

– Мне очень жаль, Бриг. Конечно, для тебя все это неожиданно, но... Поверь, мне тоже нелегко. К счастью, нас с тобой почти ничто не связывает – я имею в виду общее имущество, жилье... Собственно говоря, я собирался спросить – может быть, тебе нужно что-нибудь из моих вещей или книг? Я собираюсь все распродать или пожертвовать благотворительным организациям. – Он усмехнулся. – Впрочем, кроме нашего с тобой любимого дивана, у меня даже мебели приличной нет!

Это была правда. Диван они покупали вместе примерно год назад, и Тед настоял, чтобы его привезли к Бриджит. И вот теперь он оказался ему не нужен! Подумав об этом, Бриджит неожиданно почувствовала себя бесконечно одинокой, брошенной. В последний раз она чувствовала себя так только в детстве, после смерти отца.

– Что же будет со мной? – спросила Бриджит, вытирая слезы, которые катились из ее глаз. Каким-то чудом ей удалось справиться с захлестывавшими ее волнами паники. Нет, не о таком ужине в День святого Валентина она мечтала.

– В каком смысле? – переспросил Тед. – Я же уже сказал: ты – свободная женщина и можешь строить свою жизнь, как пожелаешь.

– Мало ли что я пожелаю! Ведь есть и... объективные факторы. Мы были вместе шесть лет, а мне уже тридцать восемь. Еще немного, и я вряд ли смогу позволить себе иметь детей. Что же мне теперь – дать объявление в газету, мол, срочно нужен мужчина для создания семьи и обзаведения потомством?

– Значит, я был нужен тебе только в качестве мужа и... отца твоих детей? – Тед обиженно поджал губы.

– Во все нет. Я любила тебя – до сих пор люблю, но... Я рассчитывала... надеялась... Ведь мы были вместе, и все казалось таким простым и естественным. Мне и в голову не приходило спрашивать о... – Она пристально посмотрела на него. – Почему я не могу поехать с тобой? – спросила Бриджит, и Тед неловко заерзал на стуле.

– Понимаешь, эта работа слишком важная, она будет отнимать все мое время. Обзаводиться в таких условиях женой и детьми... Я буду просто не в состоянии уделять вам столько

внимания, сколько вы заслуживаете. Наконец, я просто не чувствую себя готовым к семейной жизни. Говорю тебе, сейчас для нас обоих самый подходящий момент, чтобы двигаться дальше. Быть может, жизнь приготовила каждому из нас какой-нибудь приятный сюрприз. Я просто-таки уверен, что ты сумеешь найти свое счастье, даже если меня не будет рядом.

Его слова наполнили сердце Бриджит горечью, но она еще крепилась.

– Что касается меня, то в ближайшее время я вообще не собираюсь жениться, – добавил Тед. – Дело вовсе не в тебе. Это просто не входит в мои планы, понимаешь? Так уж я устроен.

Бриджит машинально кивнула. Она не могла ждать, пока Тед передумает, – еще лет пять-семь, и для нее все будет кончено. По-видимому, Тед никогда не смотрел на нее как на будущую жену и мать его детей, Тед, оказывается, видел в ней только сексуального партнера, с которым было приятно и удобно проводить время. Жаль, что она прозрела только сейчас, а ведь всего-то и нужно было – задать ему прямой вопрос. Впрочем, неизвестно, что бы он ей ответил. Шесть лет она плыла по течению, чувствуя себя в полной безопасности, и вот теперь Тед вытолкнул ее из лодки, чтобы двигаться дальше одному. В Египте Бриджит была ему ни к чему – на сей счет он высказался совершенно определенно, и она не могла его за это винить. В возникшем между ними непонимании были виноваты они оба. Тед, во всяком случае, ее не обманывал. Это она вела себя, как ей было удобно: год за годом встречалась с ним по выходным и не задала ему ни одного вопроса о будущем. И вот теперь все кончилось. Тед осуществит свою давнюю мечту, а она останется одна – тридцативосьмилетняя, одинокая, никому не нужная.

– Как мы будем до... до тех пор, пока я не уеду? – мягко спросил Тед. Ему стало жаль Бриджит – такой потерянной и несчастной она выглядела. Бриджит вовсе не радовалась его удаче, как он надеялся; пожалуй, только сейчас Тед осознал, что рассчитывать на что-то подобное было глупо. Тед никогда не задумывался о том, какие планы и надежды были у Бриджит, сама она никогда не говорила, что хочет выйти за него замуж и родить детей. А оказалось, что для нее это само собой разумелось, а теперь ее планы рухнули. Вид у Бриджит, во всяком случае, был такой, словно ее переехал тяжелый грузовик, а чувствовала она себя, похоже, еще хуже.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Бриджит и высморкалась в салфетку. Она все еще плакала, поэтому смысл его вопросов доходил до нее с трудом.

– Мне бы не хотелось причинить тебе боль, Бриг. Я уеду только через три недели, и... Будем мы в оставшееся время встречаться, как встречались, или ты предпочла бы вовсе меня не видеть?

– Если я правильно тебя поняла, – медленно сказала Бриджит, – ты говорил, что с твоим отъездом нашей... нашим отношениям конец. Дальше ты намерен строить свою жизнь без меня, так?

Он кивнул. Вид у Бриджит был несчастный: нос распух, лицо пошло красными пятнами.

– Я не смогу жить в Египте и поддерживать с тобой прежние отношения. Это было бы... глупо и нерационально. Тебе ехать со мной тоже бессмысленно – долго ты там не выдержишь. Рано или поздно мы бы все равно расстались, так почему не сейчас?

Это было что-то новенькое, но расспрашивать его у Бриджит не было сил. Удар, который она получила, был слишком болезненным.

– Да, – сказала она с максимальным достоинством, на какое только была способна в этих обстоятельствах. – Я тоже считаю, что лучше покончить со всем этим именно сейчас. Видеться с тобой до твоего отъезда я не хочу – от этого и тебе, и мне будет только хуже. – Бриджит ненадолго задумалась и добавила: – Между нами все кончилось в тот момент, когда тебе поручили возглавить эту экспедицию.

А может быть, и еще раньше, подумала она. Ведь Тед только что признался, что никогда и не собирался соединять свою жизнь с ней.

Он поглядел на нее печально.

– Поверь, дело вовсе не в тебе, – сказал Тед. – Это просто жизнь, а в жизни всякое случается.

Бриджит кивнула. Спорить или обвинять его ей не хотелось, хотя она и понимала: в первую очередь Тед озабочен собой и своей жизнью, а что станет с ней, ему безразлично. Ну, может быть, не совсем безразлично, но... Просто о ней он думал в последнюю очередь, и так было всегда, только раньше она этого не замечала. Не хотела замечать. Работа и вправду всегда была для него на первом месте – работа, карьера, открытия, которые ему предстоит сделать.

– Да, я понимаю, – сказала она, вставая. – Поздравляю тебя, Тед, – добавила Бриджит, глядя ему прямо в глаза. – Я за тебя рада, действительно рада. Мне только жаль, что у нас с тобой ничего не получилось. – Она изо всех сил старалась быть великодушной, и Тед почувствовал себя тронутым, хотя и предпочел бы, чтобы Бриджит проявила большую радость по поводу его неожиданной удачи. Он, разумеется, понимал, что его желание строить свою жизнь без Бриджит стало для нее серьезным ударом. С другой стороны, Тед давно собирался сказать ей, что им лучше расстаться, но ему не хватало мужества. Поездка в Египет оказалась удобным поводом для решающего разговора. Так, думал он, расставание будет для нее менее болезненным, но, судя по всему, он ошибся.

– Спасибо, Бриг, – сказал он и тоже поднялся, чтобы подать ей пальто. – Хочешь, я отвезу тебя домой?

От этих слов глаза Бриджит снова наполнились слезами.

– Н-нет, – ответила она, резко мотнув головой. – Нет. Я возьму такси. Спасибо за ужин. Спокойной ночи. – И с этими словами Бриджит поспешно выбежала из ресторана, чтобы никто не видел ее слез. Спасибо за ужин и за шесть лет обманутых надежд... Всего тебе хорошего, Тедди! Единственное, о чем она могла думать, бредя по заснеженному тротуару в поисках такси, это о том, насколько слепа она была. Шесть лет, целых шесть лет она обманывала себя, закрывая глаза на очевидное. Тед не был создан для брака, он не был готов жениться и обзаводиться семьей... А скорее всего, просто не хотел. Зачем, ведь ему и так было удобно.

«Удобно» – это было ключевое слово, причем относилось оно не только к Теду, но и к ней самой. Слишком поздно Бриджит поняла, что в этот тупик она загнала себя сама. Ей тоже было удобно с Тедом, но по прошествии шести лет любовник бросил ее, потому что сбылась его давняя мечта, и он ехал в Египет к мумиям, древним вазам и пыльным мозаикам на стенах заброшенных храмов. Именно о них он грезил все эти годы – о них, а не о семейном уюте и не о детях, которых она могла бы ему родить. Да и попрощался он с ней легко и даже небрежно – так прощаются со студенткой или с секретаршей, а вовсе не с женщиной, которую любишь.

Любил ли ее Тед? Нет, скорее всего. А может, и она не любила его? С ним ей было удобно, уютно, спокойно, поэтому Бриджит и гнала от себя мысли о чувствах, о страсти, не задавала себе подобных вопросов. Не любовь – привязанность... Именно она удерживала их с Тедом вместе все эти шесть лет, и не было ничего удивительного, что его стремление сделать карьеру разрушило их отношения за считанные часы. Бриджит осталась у разбитого корыта, а самое обидное заключалось в том, что виновата в этом она была не меньше, чем Тед.

Всю дорогу до своей квартиры Бриджит проплакала, забившись на заднее сиденье пропахшего сигаретным дымом такси. Несмотря ни на что, ей было горько думать, что она, скорее всего, никогда больше не увидит Теда. Еще горше ей было от сознания того, что она этого не предвидела. Словно девчонка, она мечтала о кольцах, о свадьбе, о том, как счастливо они заживут вдвоем и как у них появятся дети, которых они оба будут обожать, но жизнь преподнесла ей суровый урок. Какая же я была дура, снова и снова твердила себе Бриджит.

Когда она вошла в квартиру, неожиданно засигналил ее мобильник. Бросив взгляд на экран, Бриджит узнала телефон Теда и решила не отвечать. Зачем? Все равно он не передумает. Она упустила свое счастье, и теперь в ее сердце были только горечь и обида.

Глава 2

Буран не прекращался всю ночь, и к утру на улицах прибавилось еще фута полтора снега. По телевизору официально объявили штормовое предупреждение, а это означало, что на работу Бриджит может сегодня не ходить. Впрочем, она и так, наверное, никуда бы не пошла – на это у нее просто не было сил. Когда рано утром Бриджит открыла глаза, все ее лицо было мокрым от слез – во сне она плакала, и сама мысль о том, что придется вставать, одеваться и куда-то ехать, была ей невыносима. Бриджит казалось, что ее жизнь кончена и что впереди ее не ждет ничего, кроме грусти и разочарований.

И еще она по-прежнему ощущала себя наивной дурочкой. Нет, Бриджит всегда знала, что Тед мечтает о собственной экспедиции, но не понимала, насколько сильно он к этому стремится. Ей и в страшном сне не могло привидеться, что он бросит ее и уедет за тысячи миль, как только ему представится возможность самому вести раскопки. Бриджит казалось, что она значит для Теда больше, чем научные открытия, больше, чем ученые степени и слава, но оказалось, что это было не так, и теперь ей оставалось только подводить неутешительные итоги. Для Теда она была всего лишь увлечением, способом приятно провести время до тех пор, пока в его карьере не наметится решающий прорыв.

Сама она за эти шесть лет мало что сделала для своей карьеры. Не спеша писала диссертацию, не спеша возилась с книгой, и вот результат. Вернее, никакого результата-то и нет. Теперь у Бриджит не было ничего, и она чувствовала себя окончательной неудачницей, когда читала присланную Тедом эсэмэску.

«Прости, мне очень жаль», – писал он. Быть может, Тед и вправду жалел. Он не был злым человеком, но у него были свои цели, свои планы, в которых для нее не нашлось места. Неудивительно, что он с такой легкостью с ней расстался. Бриджит казалось, что сама она никогда бы не поступила с ним подобным образом – его неожиданно прорезавшееся честолюбие стало для нее неприятным открытием. Эти раскопки значили для Теда все, а она – ничего. И сознавать это Бриджит было горько.

Было почти десять утра, когда она получила вторую эсэмэску, на этот раз от Эми. «Ты где? – писала подруга. – Небось еще в постели, празднуешь? Кстати, когда вы намерены объявить о вашей помолвке?»

Бриджит не знала, что на это ответить. Но отвечать было нужно – скрывать от подруги случившееся она не могла. Минут пять она думала, потом, поминутно вытирая слезы, набрала ответ:

«Помолвки не будет. Тед меня бросил. Через три недели он уезжает на раскопки в Египет. Между нами все кончено. На работу сегодня не пойду».

Просто удивительно, подумала Бриджит, как легко важнейшие события – и даже настоящие трагедии – укладываются в несколько строк сообщения. Сама она начала пользоваться эсэмэс-почтой только недавно – Бриджит научилась этому у студентов, которые даже ухаживать за девушками умудрялись посредством эсэмэсок.

А Эми, прочтя послание подруги у себя в кабинете, негромко присвистнула. Подобного она никак не ожидала, да и Бриджит, конечно, тоже. Ведь еще вчера между ней и Тедом все было прекрасно, и вот на тебе!.. Это было ужасно. Эми Тед нравился, он был неплохим парнем. Но ему-то всего тридцать пять лет; мужчина в таком возрасте мог позволить себе потратить шесть лет жизни на отношения, которые никуда не ведут. А вот для Бриджит это был едва ли не последний шанс создать семью. Похоже, ей скоро тоже придется прибегнуть к услугам банка спермы, если она не хочет остаться одинокой до конца жизни. Есть, конечно, еще вариант с усыновлением, но Эми он представлялся чересчур сложным.

Эми тут же схватилась за телефон и попыталась дозвониться подруге, но когда та не ответила, чего и следовало ожидать, отправила Бриджит еще одну эсэмэску.

«Хочешь, я к тебе приеду?»

Ответ пришел быстро:

«Нет. Чувствую себя паршиво».

«Мне очень жаль, Бриг».

После этого Эми на несколько часов оставила Бриджит в покое, но ближе к вечеру снова набрала ее номер. На этот раз Бриджит ответила, но голос у нее был совершенно убитый.

– Тед не виноват. – Она все еще защищала бывшего любовника – то ли по привычке, то ли и в самом деле так думала. – Это я совершила глупость – никогда не спрашивала его, что он думает насчет нас. Ну, что мы будем делать дальше, поженимся или нет... Вчера он сказал, что не чувствует себя готовым к семейной жизни. Наверное, так и есть, но... Как я могла этого не заметить?!

– Я знаю, почему ты не задавала ему никаких вопросов, – сказала Эми, подумав, что для этого разговора ей, вероятно, понадобится все ее умение консультанта-психолога. – Вы оба были довольны тем, как у вас все складывается в настоящем, вот и не задавали лишних вопросов. А может, вы просто боялись заглядывать в будущее... – Она знала, что родители Теда развелись, развод сопровождался шумным скандалом, поэтому можно было с большой долей вероятности предположить, что именно это событие и заставило его относиться к идее брака с большой осторожностью. Эми надеялась, что со временем Тед преодолеет свою «бракобоязнь», но теперь это не имело никакого значения. Благодаря вмешательству судьбы Тед получил место руководителя египетской археологической экспедиции, о чем он давно мечтал. А чтобы устоять перед таким соблазном, нужно было быть человеком покруче, чем он. Или... или любить по-настоящему.

– И что ты теперь будешь делать? – спросила Эми.

– Не знаю. Пока я только плачу. Мне... мне будет очень его не хватать, – ответила Бриджит. Она, впрочем, уже заметила, что тоскует по Теду вовсе не так сильно, как ожидала. Теперь ее занимало другое. Она даром потратила шесть лет жизни, потому что боялась рискнуть и создать семью. Теперь, если она не поторопится, она может навсегда остаться одинокой. Обращаться в банк спермы, как Эми, Бриджит не хотела, поскольку это тоже было связано с риском. Нет, ее дети должны быть по-настоящему ее детьми – детьми от мужа, от любимого человека, а не черт знает от кого. И семья – ей нужна нормальная, полноценная семья. На меньшее она была не согласна. Воспитывать ребенка одна, как ее мать, Бриджит не хотела. В этом определено было что-то неправильное, к тому же она не была уверена, что сумеет в одиночку справиться со всеми проблемами и с ответственностью. В конце концов, у каждого человека обязательно должен быть кто-то близкий, с кем можно поделиться и горем, и радостью, кто подставит свое плечо в трудный момент, кто поможет или даже просто шепнет несколько слов ободрения.

Нет, решила она, уж лучше вовсе не иметь детей, чем уподобляться матери-одиночке, которая из кожи вон лезет, пытаясь обеспечить своему чаду сносное существование, и все равно терпит поражение за поражением, потому что у нее элементарно не хватает ни физических, ни моральных сил.

Впрочем, подумала Бриджит, ее нынешнее положение таково, что этим, пожалуй, все и закончится. Она останется одна и будет доживать свой век старой девой. За прошедшие сутки ее мировоззрение существенным образом изменилось, и отнюдь не к лучшему. Ее мать, несмотря на все постигшие ее беды, никогда не ожесточалась. Бриджит этого тоже не хотелось; она понимала, что, злясь на весь мир, только ухудшит свое и без того незавидное положение, но ничего не могла с собой поделать.

– Слушай, может быть, все-таки мне приехать? – снова предложила Эми. – После работы, а? Я могу оставить парней в яслях до семи, а работа у меня сегодня заканчивается в пять.

– Я в порядке, – уныло ответила Бриджит. – Нет, правда, не переживай. Завтра я уже буду на работе, тогда и поговорим. – Она вздохнула и добавила: – Не могу же я лежать в постели и плакать до конца своих дней!

Бриджит все пыталась понять, хочет она увидеть Теда до его отъезда или нет. Скорее всего, нет. Ей было бы очень тяжело встречаться с ним, зная, что все кончено и что она никогда больше его не увидит. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, решила Бриджит. Она уже отправила Теду эсэмэску, в которой сообщала, что с ней все в порядке, желала ему всего хорошего и благодарила за шесть отличных лет, проведенных вместе. Послание отправилось адресату, а Бриджит вдруг почувствовала себя странно. У нее даже голова закружилась. Эта эсэмэска была очень похожа на ту, что она отправила Эми: шесть долгих лет уложились всего-то в пару слов, а ведь еще вчера Бриджит назвала бы эти годы счастливыми или, во всяком случае, беспечальными. Вот только кончились они слишком быстро и слишком внезапно, оставив после себя всего несколько строк на экранчике мобильного телефона.

Неутешительный итог...

Ночью снегопад прекратился, а утром Бриджит отправилась на работу. Главные улицы были уже расчищены, и только в переулках еще была видна желтая снегоуборочная техника. Подмороживало, и Бриджит повыше подняла воротник пальто, а руки засунула глубоко в карманы, и все равно, когда она добралась до университета, пальцы у нее были ледяными, поскольку перчатки она забыла дома.

Когда Бриджит вошла в свой кабинет, ее охватило странное чувство. Ей казалось, она отсутствовала целую вечность, а не один день, который она провела дома, оплакивая крах своих отношений с Тедом. На Бриджит был ее любимый старый свитер, который она надевала, когда была грустна или чем-то расстроена. Уютная, теплая одежда, вкусная еда, купленная в бутике милая безделушка всегда помогали ей справиться с огорчениями, но не сегодня. Боль, которую испытывала Бриджит, была слишком сильна – она словно погрузилась в глубокий траур, и впереди не видно было никакого просвета.

Бриджит проработала с заявлениями абитуриентов почти час, когда ей позвонил председатель приемной комиссии Грег Мэтсон и попросил зайти к нему в кабинет. Он возглавлял комиссию всего год, но работать с ним было легко и приятно. В университет он перевелся из Бостонского колледжа и часто консультировался с Бриджит по вопросам университетской политики.

Когда Бриджит зашла в кабинет Грега, ей в голову пришла мысль, что он намного моложе ее. И его первая заместительница тоже была моложе. Раньше Бриджит об этом как-то не задумывалась. В приемной комиссии она проработала дольше, чем оба ее прямых начальника, но ей никогда не хотелось взваливать на себя ответственность, связанную с руководством таким серьезным участком работы. Бриджит считала, что, оставшись на вторых ролях, она имеет больше возможностей спокойно писать свою книгу, да и честолюбивого желания «стать боссом» она никогда не испытывала.

Грег, как всегда дружески улыбаясь, пригласил ее сесть и участливо поинтересовался, не больна ли она – такой уставшей и бледной показалась ему Бриджит. Откровенничать Бриджит не стала, она просто сказала, что вчера действительно чувствовала себя нехорошо, но сегодня она в порядке. Грег похвалил ее за старательность и трудолюбие, добавив, что Бриджит отлично справилась с потоком заявлений абитуриентов, а потом стал расписывать преимущества новой компьютерной системы, которую должны были установить в департаменте в ближайшие несколько недель. Он был уверен, что внедрение новых современных технологий позволит не только упростить работу приемной комиссии, но и сделать ее менее затратной, что было особенно важно сейчас, когда экономить приходилось буквально на всем. Потом Грег

заявил, что на данном этапе главная задача департамента – не выходить из бюджета, и в этом смысле приобретение новой компьютерной системы является весьма и весьма выгодным вложением средств.

– Что это значит? – вежливо поинтересовалась Бриджит.

Ответ не заставил себя ждать. Виновато улыбнувшись, Грег объяснил, что введение современных компьютерных технологий означает сокращение штатов приемной комиссии. Ему, добавил он, очень неприятно говорить ей об этом после того, как она проработала в комиссии десять лет, однако тут уж ничего не поделаешь: ее и еще шестерых сотрудников решено уволить. Поскольку Бриджит показала себя отличным работником, Грег пообещал, что университет будет еще полгода выплачивать ей компенсацию в размере ее теперешней зарплаты. Он выразил надежду, что этих денег и этого времени ей хватит, чтобы закончить книгу.

– Поверьте, мне действительно очень жаль с вами расставаться, – добавил Грег и, церемонно пожав Бриджит руку, слегка приобнял за плечи, а потом деликатно проводил до двери. – Можете идти домой прямо сейчас, – сказал он. – Необработанных заявлений о приеме осталось совсем немного, я думаю, мы с ними справимся. А вы... вы можете уже сегодня начать новую жизнь.

Бриджит немного пришла в себя, только когда вернулась в свой кабинет, который, впрочем, ей больше не принадлежал. «Начать новую жизнь? – думала она. – Какую жизнь? И что случилось с моей прежней жизнью?» Всего за два дня она лишилась и любовника, и работы, уступив свое место компьютеру. От нее просто избавились, как от чего-то устаревшего, малоэффективного и слишком дорогого. И пусть за десять лет Бриджит не совершила ни одного сколько-нибудь серьезного промаха, на самом деле она все делала неправильно. От поста руководителя приемной комиссии она отказалась, предпочтя заниматься рутинной работой – и в конце концов ее заменили. Свою книгу она писала семь лет, да так и не написала. Шесть лет она потратила на мужчину, которого любила, и хотя он так и не сделал ей предложения, ее это не насторожило, не заставило задуматься. Только сейчас Бриджит начинала прозревать, но исправить что-либо она уже не могла. В своем стремлении к удобной, спокойной жизни, лишенной сильных чувств и волнений, она упустила что-то важное. Она ничего не сделала и ничего не достигла – и теперь она была никому не нужна. Тридцативосьмилетняя, бездетная, безработная женщина, впустую потратившая больше четверти того срока, что она уже прожила на свете. Пустое место. Ничтожество. Это был серьезный удар по ее самолюбию, а главное – у Бриджит не осталось никакой надежды на лучшее будущее.

Она достала из кладовки картонную коробку, чтобы уложить в нее немногочисленные личные вещи. В двенадцать, попрощавшись с бывшими коллегами, Бриджит спустилась в вестибюль. Она и сама еще не до конца осознала, что же произошло. Шок, это шок, твердила Бриджит, поскольку еще никогда в жизни не испытывала такого странного чувства. Она как будто оказалась в глубоком вакууме, и у нее не было ничего и никого – ни любви, ни семьи, ни работы. За считанные часы ее жизнь разлетелась на куски, на мелкие осколки, которые не склеишь, как ни старайся. Еще полгода университет будет выплачивать ей зарплату, но что она будет делать дальше? И что она будет делать сейчас? Куда пойдет? Чем займется?

Бриджит этого не знала.

Правда, в Бостоне было больше сотни различных колледжей – больше, чем в любом другом городе Соединенных Штатов, а у нее за плечами был десятилетний опыт работы в приемной комиссии, однако Бриджит вовсе не была уверена, что хочет и дальше заниматься чем-то подобным. В приемную комиссию она пошла только потому, что это была простая, не требующая напряжения работа, но разве этого ей хотелось от жизни? Чтобы все было просто и спокойно, чтобы не было никаких трудностей, никаких свершений и побед?

Все еще размышляя об этом, она толкнула дверь в кабинет Эми, и та невольно вздрогнула, увидев, какие у Бриджит безжизненные глаза и мертвенно-бледное лицо.

– Что случилось? Что у тебя в коробке? – встревоженно спросила Эми, показывая на картонную коробку, которую Бриджит держала в руках. Ей очень не понравилось, как выглядит подруга. Казалось, даже смуглая от природы кожа Бриджит приобрела какой-то болезненный, зеленоватый оттенок.

– Меня уволили. В коробке – мои вещи. Университет устанавливает новую компьютерную систему. Главное – я ведь знала об этом, только не знала, что компьютер заменит меня. Грег вышвырнул семерых. То есть, правильнее, наверное, говорить уволил, но какая разница? Вышвырнул, уволил, отправил в бессрочный отпуск... Ну и неделька выдалась! – Она вздохнула, но ее лицо осталось таким же неподвижным и бледным.

– О господи!.. – Эми вскочила и, обежав вокруг стола, взяла из рук Бриджит коробку. Та не сопротивлялась. – Знаешь, давай я отвезу тебя домой. Я как раз сейчас могу уйти часика на два.

Бриджит равнодушно кивнула, соглашаясь, и Эми помогла ей как следует застегнуть пальто, потом взяла коробку под мышку, и они вместе вышли на улицу. Мороз сразу же накиннулся на обеих, но Бриджит ничего не чувствовала. В машине она тоже молчала и заговорила, только когда они уже подъезжали к ее дому.

– Если бы ты знала, как мне тошно! – проговорила она и уткнулась лбом в холодное боковое стекло.

– Конечно. Я понимаю... – негромко отозвалась Эми. Тед позвонил ей сегодня утром, чтобы узнать, как себя чувствует Бриджит. Он беспокоился о ней совершенно искренне, но Эми сразу поняла, что его мысли заняты главным образом предстоящими раскопками. Слушать, с каким восторгом Тед рассказывает об открытиях, которые он надеется сделать в Египте, ей было неприятно, и Эми решила не говорить подруге о его звонке. Особенного смысла в этом она теперь не видела. Для Бриджит Тед все равно что умер, перестал существовать, а теперь она лишилась и работы. Для любого, даже очень сильного человека, это было, пожалуй, чересчур.

– Иногда такое бывает, Бриг. Все неприятности сразу. Тебе просто не повезло.

– Я знаю. – Бриджит негромко вздохнула. – А самое обидное заключается в том, что в этих неприятностях я сама виновата. Я шла самым простым, самым легким путем и ни разу не задумалась, куда он меня приведет. Мне не хотелось раскачивать лодку, а кончилось тем, что я пошла ко дну вместе с ней. Тед... Он всегда хотел возглавить собственные важные раскопки, а мне бы на это никогда не хватило мужества. Мне ведь предлагали стать председателем приемной комиссии, но я отказывалась. И с моей книгой... За семь лет уж можно было бы написать что-нибудь стоящее, но я не спешила. Я хотела раствориться в толпе, чтобы ничем не отличаться, – и взгляни на меня теперь! Ни мужа, ни детей, ни работы. Если я когда-то допишу свою книгу, то ее прочтут от силы десять-пятнадцать специалистов – или не прочтут, а будут использовать в качестве подпорки для двери. – Она повернулась к Эми, и в ее глазах снова заблестели слезы. – Что же мне теперь делать?! Как жить?

Эми не сразу нашлась, что ответить. Она понимала, что Бриджит сейчас очень нелегко. В тридцать восемь она вынуждена была подводить итоги первой половины жизни, и итоги эти были неутешительными. Что и говорить – ошибок Бриджит наделала порядочно, но с другой стороны, и заплатить за них ей пришлось довольно дорого.

– Я даже ни разу не спросила у Теда, поженимся ли мы когда-нибудь, – продолжала между тем Бриджит. – Я считала, что это само собой разумеется. Так было проще, понимаешь? Мне и в голову не приходило, что ответ может быть «нет». Теперь-то я понимаю, что мне было бы гораздо легче, если бы я наткнулась на отказ тогда, а не сейчас, но... А теперь мне кажется, что моя жизнь прошла впустую, и я сама в этом виновата.

Нерешительность Бриджит действительно сыграла с ней злую шутку, но Эми не хотелось беречь свежие раны подруги. Ей и так пришлось вынести слишком много – и всего за два дня. И неизвестно еще, сумеет ли Бриджит оправиться от такого удара.

– Не казни себя, – негромко сказала Эми. – Прошлого все равно не изменишь, значит, нужно подумать о будущем. В Бостоне хватает учебных заведений, за полгода ты наверняка найдешь работу в приемной комиссии любого из них. Или не в приемной комиссии – ведь твоя научная степень позволяет тебе преподавать... – Она, впрочем, знала, что этот вариант маловероятен. Преподавать Бриджит никогда не стремилась – в первую очередь потому, что это означало большую ответственность. – Разошли свои резюме в разные места, думаю, что с твоим послужным списком ты без труда найдешь себе что-нибудь подходящее.

– Вряд ли. – Бриджит помрачнела еще больше. – Сейчас все университеты испытывают финансовые трудности и стремятся сократить штаты. – Она вздохнула. – Даже не знаю, что мне делать! Может, и в самом деле попытаться закончить книгу?

– А что, чем не вариант? – согласилась Эми, подумав о том, что так по крайней мере Бриджит будет хоть чем-то занята, и это поможет ей избежать серьезной депрессии. Потом, когда ее раны заживут, она, быть может, найдет в себе силы двигаться дальше, но до тех пор ей было необходимо найти что-то, что отвлекало бы ее от мрачных размышлений. Больше всего Эми пугало, что Бриджит винила в случившемся не столько Теда, сколько себя. Это был опасный симптом. Сама Эми считала, что виноваты оба, но говорить об этом сейчас было бы жестоко.

– Слушай, а может быть, тебе куда-нибудь съездить? – предложила она, пытаясь подбодрить подругу. – Смена обстановки иногда неплохо помогает.

– Ну и куда я поеду одна? – отозвалась Бриджит и снова заплакала. Мысль о том, что придется путешествовать в одиночестве, показалась ей ужасной.

– На свете много красивых мест, – спокойно сказала Эми. – Гавайи, острова Карибского моря, Флорида... Там теперь лето. Повалешься на пляже, позагораешь – глядишь, и на душе станет легче.

– Одной не так интересно. Лучше я съезжу к маме в Нью-Йорк. Я не была у нее с Рождества. Что-то она скажет, когда узнает, что Тед меня бросил, а с работы меня вышвырнули?! – Бриджит покачала головой. Мать всегда верила в нее, и сейчас она чувствовала себя жалкой неудачницей.

Эми уловила ее колебания.

– Мне кажется, это не самая лучшая идея, – сказала она осторожно. – Может, лучше все-таки съездишь куда-нибудь на курорт?

– Даже не знаю, – с сомнением сказала Бриджит и снова надолго замолчала.

Когда они доехали до ее дома и поднялись в квартиру, Бриджит поставила коробку с вещами на столик в прихожей и повернулась к подруге.

– Если тебе вдруг позвонит Тед, не говори ему, что меня уволили, – попросила она. – Не хочу, чтобы он меня жалел. Ну и вообще... – Бриджит не договорила, но Эми прекрасно ее поняла. Она не хотела выглядеть неудачницей не только в глазах матери, но и в глазах бывшего любовника. В самом деле, Тед только что шагнул вверх по карьерной лестнице, а Бриджит, напротив, потеряла и то небольшое, что имела. Что он мог подумать про нее после этого?

– Он уже звонил, – сказала Эми. – Утром. Тед хотел знать, как ты... По-моему, он искренне о тебе беспокоился.

– Скажи ему, что со мной все в порядке. Или он передумал ехать в свой Египет? – спросила она с надеждой, но Эми покачала головой. Тед не передумал. О Бриджит он беспокоился, но не настолько, чтобы отказаться от поездки или взять ее с собой. То, что когда-то их связывало, осталось в прошлом, и Эми это понимала – как, впрочем, понимала и сама Бриджит.

Они еще немного поговорили, потом Эми стала собираться – ей нужно было вернуться на работу. Зная, как непросто будет Бриджит в выходные, она пригласила ее завтра к себе, но Бриджит ответила, что собирается засесть за книгу. Эми ушла, а Бриджит почти до самого вечера сидела, глядя в пространство перед собой и пытаясь примириться с тем, что с ней слу-

чилось. Она потеряла любимого человека, потеряла работу – у нее не осталось ничего. Потом Бриджит легла спать. Во сне она снова плакала.

В субботу утром ее разбудил телефонный звонок. Бриджит проснулась сразу, но долго колебалась, прежде чем взять трубку. После злополучного ужина в День святого Валентина Тед ни разу ей не звонил – только один раз прислал эсэмэску, и она поняла это как желание сделать разрыв окончательным. Кроме того, ему проще было вовсе с ней не общаться, чем пытаться как-то утешить. Тед ненавидел плачущих женщин – он сам не раз говорил ей, что женские слезы рождают тяжелые воспоминания о том, как переживала его мать после развода с отцом. Обвинения, упреки, претензии – всего этого Тед наслушался на всю жизнь, поэтому было вовсе не удивительно, что сейчас он постарался исчезнуть, раствориться. Бриджит подобное поведение казалось трусостью, но она по-прежнему ни в чем не обвиняла своего друга. Только себя.

Но звонил вовсе не Тед. Сняв трубку, Бриджит услышала голос матери. Миссис Николсон почувствовала неладное после первых же произнесенных Бриджит слов и встревожилась.

– Что с тобой?! – воскликнула она. – Ты заболела?

– Нет... То есть да. В общем, мне немного нездоровится.

– Ты простыла? Или, может быть, это грипп? Я слышала – у вас в Бостоне ужасная погода...

«Ни то, ни другое», – хотела ответить Бриджит, но сдержалась. Она просто не знала, как описать свое состояние. «Мое сердце разбито»?.. Или просто – «Твоя дочь умерла»? Впрочем, Бриджит знала, что будет дальше, и мать не обманула ее ожиданий.

– Как твой Тед? – спросила миссис Николсон. – Есть какие-нибудь новости? – Она всегда задавала дочери этот вопрос, словно ждала, что Тед вот-вот сделает Бриджит предложение, и каждый раз недоумевала, почему он медлит.

И снова Бриджит замешкалась. Ей не хотелось ни рассказывать матери о том, что она ухитрилась сделать со своей жизнью, ни тем более жаловаться на судьбу. Миссис Николсон была женщиной сильной и энергичной; в будущее она смотрела с неиссякаемым оптимизмом, и Бриджит, пожалуй, не могла бы сказать, какие чрезвычайные обстоятельства повергнут мать в уныние. Она всегда восхищалась матерью и даже завидовала ее жизнелюбию.

– Я... – Набираясь решимости, Бриджит зажмурилась. – Вообще-то, новости есть... Отличные новости, но только для него, для Теда. Ему наконец-то поручили раскопки в Египте. Через три недели он уезжает.

На том конце телефонной линии воцарилось молчание. Наконец миссис Николсон сказала:

– А ты? Ты поедешь с ним?

Голос матери стал встревоженным. Миссис Николсон никогда не была в особенном восторге от того, что ее единственная дочь живет и работает в другом городе, и если теперь она отправится в Египет... Для матери Бриджит что Египет, что обратная сторона Луны были одинаково далеко.

– Нет, мама, я никуда не еду, – ответила Бриджит. – Экспедиция продлится года три или даже пять. А если раскопки дадут хорошие результаты, Теду придется задержаться в Египте еще дольше. Он давно мечтал о чем-то подобном, так что, сама понимаешь, теперь ему не до меня.

Она старалась говорить спокойно и рассудительно, но горло перехватило предательской судорогой.

– И ты об этом знала?! Знала, что он уедет?! – В голосе миссис Николсон звучало негодование.

– Ну, вроде того... То есть мне, конечно, было известно, что Тед этого хочет, но я как-то не верила, что это случится. А потом... Все произошло внезапно – я имею в виду это его

назначение, и мы... В общем, мы решили расстаться, чтобы каждый мог жить своей жизнью. Тед... Ему нужно быть свободным, чтобы добиться того, о чем он мечтал. – Бриджит попыталась произнести эти слова достаточно бодро, но голос у нее сорвался.

– А как насчет того, о чем мечтала ты? – сердито спросила миссис Николсон. – Вы же были вместе шесть лет! Или это не в счет?

Если судить по голосу, она рассердилась не на шутку, но не на дочь, а на Теда. Это было понятно: миссис Николсон даже представить не могла, что за шесть лет Бриджит ни разу не заговорила с любовником о том, о чем она мечтает и чего хочет. Да что там – и наедине с собой Бриджит старалась не называть вещи своими именами. И вот, Тед отправился за своей мечтой, а она лишилась всего.

– Заниматься своими делами и не подумать о тебе – это настоящее свинство, вот что это такое! – сердито сказала миссис Николсон.

– Тед мечтал возглавить крупную экспедицию с тех самых пор, как поступил на работу в Бостонский университет, – сказала Бриджит. – Просто я об этом как-то забыла, и все получилось... как получилось. – Она сделала паузу, но потом все-таки решила рассказать матери остальное. – Вообще-то, прошедшая неделя выдалась не слишком удачной, – добавила она с наигранной бодростью. – Вчера меня уволили. Теперь вместо меня будет работать компьютер.

– Тебя выгнали с работы? – Миссис Николсон была потрясена.

– Не выгнали, а уволили, – поправила Бриджит. – Еще полгода мне будут платить зарплату в качестве компенсации, так что с финансовой точки зрения все более или менее нормально. Тем не менее это было довольно неожиданно. Я слышала, что университет закупил новую компьютерную систему, но не думала, что это как-то коснется меня. – Она усмехнулась. – Короче говоря, у меня больше нет ни Теда, ни работы. Что ж, быть может, так будет лучше...

– Лучше для кого?! – Чувствовалось, что миссис Николсон всерьез разозлилась на всех, кто обижал ее единственную дочь. – Не для тебя, во всяком случае. Сначала твой Тед удрал в Египет, чтобы раскапывать никому не нужные древние могилы, потом университет избавился от тебя, потому что кому-то приспичило шагать в ногу со временем и использовать компьютеры вместо живых людей. По-моему, это просто чудовищно! Чудовищно и несправедливо! Хочешь, я к тебе приеду?

Этот внезапный переход заставил Бриджит улыбнуться. Она по-прежнему чувствовала себя никчемной неудачницей, но ощущать сочувствие и поддержку матери ей было приятно. Миссис Николсон была подчас резка и даже упряма, но это не мешало ей оставаться заботливой, преданной матерью, которая при любых обстоятельствах не раздумывая бросалась на защиту дочери.

– Не волнуйся, ма, со мной все будет в порядке, – пообещала Бриджит. – Я собиралась заняться своей книгой, раз уж у меня появилось свободное время. Быть может, я ее наконец закончу. Все равно мне больше нечего делать. – Ей, правда, оставалось прослушать еще один цикл лекций, но она решила, что, учитывая обстоятельства, лучше перенести занятия на следующий семестр. Сейчас Бриджит все равно было не до учебы. Дописать бы книгу, а там можно будет вплотную заняться диссертацией.

– Может быть, тогда ты приедешь ко мне в Нью-Йорк? – предложила миссис Николсон, и Бриджит поняла, что ее мать серьезно обеспокоена.

– Я не смогу там работать, – сказала она. – Здесь у меня и библиотека под рукой, и все материалы тоже... – Из Нью-Йорка Бриджит уехала сразу после того, как окончила колледж; все ее подруги тоже перебрались в другие города, так что ей было совершенно нечего там делать – разве только навестить мать.

– Кроме того, – добавила она, – я собираюсь разослать свои резюме в бостонские колледжи и университеты; быть может, мне предложат какую-то работу. Шесть месяцев пролетят

очень быстро, к осени я надеюсь найти новое место, но сейчас главное – моя книга. Если я не закончу ее сейчас – не закончу уже никогда.

В трубке послышался тяжелый вздох. Похоже, Бриджит не удалось успокоить мать.

– Все-таки я очень расстроилась, Бриджит, особенно из-за Теда. Ты потратила на него уйму времени, и все оказалось впустую. Другую-то работу ты всегда найдешь, а вот приличного мужчину... В твоём возрасте это нелегко, а если ты хочешь иметь детей, тебе следует поторопиться.

– Что ты предлагаешь, мама? Дать объявление в газету или заказать рекламные буклеты? Или, может быть, выставить на улицах рекламные щиты? Я тоже виновата в том, что случилось, мама. Я не только не настаивала на свадьбе и детях – я даже не разговаривала с Тедом на эту тему, во всяком случае – серьезно. Мне все казалось, что я не готова к семейной жизни, что у меня еще есть время, что я успею... Кроме того, я была уверена, что мы обязательно поженимся, что это неизбежно, но все оказалось не так. Тед тоже не был готов к семейной жизни, но я и этого умудрилась не заметить и в результате получила то, что получила. И теперь я боюсь, что у меня уже никогда не будет ни семьи, ни ребенка. – Последние слова она произнесла чуть слышно, и у миссис Николсон сердце сжалось от жалости.

– Тед должен был предупредить, что не собирается жениться, а не тратить твоё время понапрасну, – решительно заявила она.

– Может быть, – печально ответила Бриджит. – Но я и сама не хотела торопить события.

Ни она, ни мать не сказали этого вслух, но обе подумали, что теперь, наверное, уже слишком поздно. Еще недавно Бриджит казалась себе молодой и полной сил, но теперь эта иллюзия растаяла, а вместе с ней рухнул и весь ее мир.

– Многие современные женщины думают так же, как ты, – строго сказала миссис Николсон. – Они до последнего считают, что еще успеют выскочить замуж и произвести на свет детей. В наши дни многие рожают первого ребенка и в сорок пять, и в пятьдесят, и при этом – хвала современной науке! – обходятся без мужей. Теперь даже шестидесятилетняя женщина способна забеременеть – я читала, что ученые могут теперь и это... К сожалению, все эти медицинские штучки не так безобидны, как кажется на первый взгляд, – женщины теряют реальное ощущение своего возраста. Но как бы ни пытались люди обмануть природу, биологические часы продолжают идти точно так же, как столетия назад. Я очень надеюсь, Бриджит, что теперь ты подойдешь к выбору партнера со всей серьезностью, потому что времени у тебя осталось совсем немного и ты не имеешь права ошибиться. Понятно?

Бриджит машинально кивнула. Слушать эту суровую проповедь ей было нелегко, но она понимала, что мать права.

– К Теду я относилась серьезно, – проговорила Бриджит, словно оправдываясь.

– К сожалению, не так серьезно, как следовало, да и он, как я погляжу, не показал себя зрелым мужчиной. Вы оба вели себя как дети.

И снова Бриджит пришлось согласиться. Да, она вела себя легкомысленно, потому что так было проще, но теперь эта простота, а вернее сказать – ее инертность и недалководидность, бумерангом ударили по ней самой.

– Да, – сказала она. – Но, быть может, это была судьба, особое предназначение... Наверное, нам просто не суждено было быть вместе.

– Жаль только, что ты не поняла этого раньше.

– Конечно, жаль. – Бриджит вздохнула. И она, и Тед показали себя одинаково инфантильными, а ведь оба давно не были детьми.

– Позвони мне, если все-таки надумаешь приехать, – сказала миссис Николсон. – Я ничего не меняла в твоей комнате, там все осталось как прежде. И, конечно, я всегда рада тебя видеть. Приезжай, я покажу тебе, что мне недавно удалось раскопать относительно нашей

семьи. Может быть, ты мне даже немного поможешь. Мне кажется, я наткнулась на что-то совершенно удивительное.

Бриджит не хотелось обижать мать, но именно сейчас ей меньше всего хотелось копаться в семейной истории, точнее – в истории своих предков по материнской линии, бравшей свое начало где-то во мраке раннего французского Средневековья. Собственно говоря, Бриджит никогда не разделяла страсти матери к генеалогии, хотя, бывало, она помогала ей отыскивать недостающие сведения в архивах или в Интернете. В целом Бриджит считала это занятие чем-то вроде стариковского хобби, хотя огромная и скрупулезная работа, проделанная матерью на этом поприще, вызывала ее уважение. Миссис Николсон, напротив, отдавалась своему увлечению, не жалея ни сил, ни времени; история семьи представлялась ей своеобразным наследством, которое она обязана передать дочери. Но Бриджит куда больше нравилось, что прошлое хранит свои загадки и тайны; даты рождения и смерти предков – пусть даже они были весьма достойными людьми – интересовали ее мало.

Вечер этого дня Бриджит провела у Эми. Когда же настало воскресенье, она попыталась засесть за книгу, но довольно скоро с удивлением обнаружила, что собранный ею материал – как, впрочем, и проблемы женской эмансипации в целом – кажется ей скучным и надуманным. Отчего-то они вдруг утратили для нее всякую привлекательность; в какой-то момент в мозгу Бриджит даже мелькнула крамольная мысль – а так ли уж все это важно? Ничего подобного она еще никогда не испытывала, но как раз с этим все было более или менее понятно: не только положение женщин в слаборазвитых странах, но и ее собственная жизнь казалась теперь Бриджит скучной и бессмысленной. Она потеряла Теда, лишилась работы и была близка к тому, чтобы возненавидеть книгу, над которой столько трудилась. Похоже, ее жизнь окончательно зашла в тупик, и что тут можно сделать, Бриджит не представляла.

А главное – зачем?

Ко вторнику все, что она до сих пор написала, наводило на Бриджит беспросветную скуку. От Теда не было никаких известий. Стиснув зубы, она продолжала работать, но уже к следующим выходным ей захотелось перестать насиловать себя и выбросить свою книгу на помойку. Ни сил, ни желания работать у нее не осталось. Поступок Теда и потеря работы продолжали довлеть над ней, и у Бриджит окончательно опустились руки. Она, правда, отправила свои данные в несколько университетов, но ответов пока не было – ни положительных, ни отрицательных. Не без внутреннего содрогания Бриджит думала о том, что теперь ей придется взвалить на себя сколь возможно большую ответственность, чтобы никому не пришлось в голову снова заменить ее компьютером. Она понимала, что именно инертность и нежелание подниматься по служебной лестнице привели ее к увольнению, однако ломать привычные стереотипы вот так сразу было непросто. Впрочем, время у нее еще было – ожидать ответа от потенциальных работодателей следовало не раньше, чем через два месяца, когда в большинстве университетов завершится набор студентов.

Между тем работа над книгой окончательно застопорилась. Бриджит казалось, что ей больше нечего сказать по избранной теме, да и желание говорить ее оставило. Положение женщин в слаборазвитых странах в данный период ее жизни не казалось Бриджит такой уж важной темой. Право избирать и быть избранным интересовало ее теперь куда меньше, чем право отправиться куда-нибудь к морю и солнцу, как предлагала Эми. Быть может, размышляла она, несколько недель отдыха действительно помогут ей избавиться от исследовательского «затыка». Бостонская зима с ее обильными снегопадами, ветрами и пасмурным небом начала всерьез действовать ей на нервы, и Бриджит с каждым днем погружалась во все более глубокую депрессию. Ее раздражал серый дневной свет и ранние сумерки, раздражали серые дома и серые машины, пробирающиеся по заваленным грязным снегом улицам, и она невольно начинала думать о Теде, который как раз в это время с воодушевлением готовился к отъезду в теплый и солнечный Египет. Вскоре ей стало казаться, что она не живет, а существует – совсем

как цветок на окне, который давно не поливали. В какой-то момент Бриджит поняла, что в Бостоне ее больше ничто не держит, и решила все-таки слетать в Нью-Йорк к матери. Конечно, это были не Флорида и не Гавайи, но она надеялась, что даже такая перемена обстановки поможет ей справиться с вялостью и апатией. Кроме того, в Нью-Йорке она будет с матерью – единственным близким человеком, который у нее остался.

Весь недолгий перелет от Бостона до Нью-Йорка Бриджит неотрывно смотрела в иллюминатор на плывущие внизу плотные снеговые облака. Она не подумала о том, что в Нью-Йорке стоит такая же хмурая зима, и все же вернуться туда, где прошло ее детство, было приятно. Куда еще деваться, если вся жизнь полетела кувырком? Бриджит уже поняла, что ей придется все начинать сначала, но каким должен быть ее первый шаг, она пока не знала и думала, что несколько дней, проведенных дома, помогут ей во всем разобраться. Мать, которой она позвонила из бостонского аэропорта, чтобы предупредить о своем приезде, предложила дочери послать свои анкеты в Нью-Йоркский и Колумбийский университеты, но постоянно жить в Нью-Йорке Бриджит не хотелось. Она ехала домой в надежде, что в знакомой с детства обстановке ей удастся каким-то образом начать строить свою жизнь заново. После этого Бриджит планировала вернуться в Бостон, хотя о том, что ждет ее впереди, она по-прежнему не имела ни малейшего представления. Единственное, что Бриджит знала точно, – это то, что возврата к прошлому не будет и что теперь вся ее жизнь должна стать совершенно иной. Об «удобном и комфортном» существовании отныне придется забыть.

Глава 3

Открывая дверь дочери, Маргерит Николсон не сдержала вздоха облегчения и радости. Погода в Нью-Йорке внезапно изменилась; после холодов вдруг наступила оттепель, пошел сильный дождь, и Бриджит успела промокнуть за те несколько минут, пока пробежала от такси до подъезда. Мать взяла у нее мокрое пальто, велела снять сапоги и садиться поближе к камину, а сама отправилась на кухню.

В возвращении домой было что-то необъяснимо приятное и успокаивающее – совсем как сесть в уютное старое кресло или зарыться в пуховую перину. Да и общество матери действовало на Бриджит благотворно. Миссис Николсон была человеком здравомыслящим и спокойным, на которого можно было положиться в любых обстоятельствах. После трагической гибели мистера Николсона она не только спасла себя и дочь, но и сумела обеспечить Бриджит нормальную жизнь, дать ей хорошее воспитание и образование. Всю свою жизнь Маргерит проработала редактором и пользовалась в этой области немалым авторитетом. Год назад она вышла на пенсию, имея на своем редакторском счету немало известных книг, и авторы шумевших бестселлеров до сих пор писали и звонили ей, чтобы выразить свою признательность, а коллеги спрашивали совета в особенно трудных случаях.

Пока Бриджит училась в школе – и даже потом, когда она писала в университете диплом и готовилась к защите магистерской диссертации, – мать помогала ей чем могла. Именно миссис Николсон помогла дочери понять, насколько это важно – получить хорошее образование. Успехами Бриджит она очень гордилась и всячески одобряла ее намерение получить степень доктора философии. Единственным, что ее огорчало, было решение Бриджит работать в приемной комиссии Бостонского университета. Эту работу Маргерит Николсон считала не творческой и просто скучной и так и не смогла понять, для чего это нужно Бриджит, хотя та не раз пыталась объяснить свои мотивы. А в последнее время миссис Николсон не раз укоряла дочь за то, что она никак не может закончить книгу. И конечно, миссис Николсон переживала из-за того, что Бриджит до сих пор не вышла замуж и не завела детей. Маргерит считала, что дочери пора очнуться от спячки и взять судьбу в свои руки более энергично, но этого так и не произошло, и хотя Бриджит была человеком трудолюбивым и порядочным, ее матери хотелось большего – хотелось в первую очередь ради дочери.

Откуда у Бриджит этот страх перед переменами, Маргерит, разумеется, догадывалась. Конечно же, это были последствия отцовского самоубийства, которое свалилось на них обеих точно снег на голову. Не знала она только, что нужно сделать, чтобы дочь перестала бояться совершать поступки, идти на риск, просто действовать. Бриджит всегда стремилась к спокойному, размеренному существованию. Маргерит хотелось видеть дочь более решительной и смелой, ибо только тогда ее жизнь смогла бы наполниться содержанием, стать более полнокровной, интересной, даже захватывающей. В глубине души она всегда подозревала, что Бриджит способна на многое, но каждый раз, когда судьба давала ей шанс, что-то как будто удерживало ее от решительных действий.

В гостиной, где они устроились пить чай, было тепло и уютно. Мать и дочь сидели близко к камину, огонь отбрасывал на их лица отблески, но внешне эти две женщины были совершенно не похожи друг на друга. Волосы у Бриджит были иссиня-черные, а у Маргерит – светлые, почти льняные. Глаза у Бриджит были темными, а у Маргерит – ярко-голубыми. Улыбались они почти одинаково, но черты лица у них были различными: внешность Бриджит была яркой, почти по-южному экзотической, тогда как ее мать отличалась мягкой северной красотой. Обе были высокими, стройными, хорошо сложенными.

Комната, в которой они сидели, была обставлена со вкусом, на каждом предмете лежал едва уловимый налет времени. На каминной полке уютно тикали старинные бронзовые часы;

потертые, но все еще изящные плюшевые кресла были удобными и уютными, а чай они пили из тонких чашек лиможского фарфора, которым Маргерит Николсон очень гордилась – этот чайный сервиз принадлежал еще ее бабушке. Сама Маргерит тоже выглядела по-аристократически утонченно: в ее квартире почти не было по-настоящему дорогих вещей, зато вся обстановка была тщательно подобрана, а книжные полки уставлены многочисленными томами, из чего можно было заключить, что в этом доме чтут знания, искусство и книги.

– Расскажи мне, как продвигается твоя книга, – спросила Маргерит, не желая пока говорить с дочерью о вещах более болезненных.

– Никак не продвигается, – с грустью призналась Бриджит. – Наверное, все дело в том, что сейчас я не в состоянии сосредоточиться на работе. Тед, да и все остальное... в общем, я застряла. Книга вроде бы нужная и актуальная, но я никак не могу сдвинуться с мертвой точки, а ее ведь давно пора закончить. – Она слабо улыбнулась. – Быть может, после небольшого перерыва я смогу вернуться к работе. Поэтому-то я к тебе и приехала – чтобы отдохнуть, отвлечься.

– Правильно сделала, – одобрила мать. – Кстати, хочешь, я взгляну на твою книгу? Ну, не сейчас, конечно, а когда ты немного развеешься. Правда, пишешь ты о вещах довольно сложных, к тому же антропология – совсем не мой конек, но мне кажется, я могла бы дать тебе пару-тройку практических советов по литературной части.

Бриджит снова улыбнулась. Чего-то подобного она ожидала. Кроме того, она была благодарна матери за то, что та не стала обсуждать с ней поступок Теда.

– Спасибо, но, боюсь, дело вовсе не в слоге или компоновке глав. Понимаешь, в моей книге уже шестьсот пятьдесят страниц, и если я буду следовать своему первоначальному плану, который включает историю вопроса во всех странах, то окончательный объем может перевалить за тысячу. Конечно, мне хотелось, чтобы мое исследование прав женщин было полным и всеобъемлющим, но в последнее время я все чаще спрашиваю себя, будет ли от него какая-нибудь польза. Ведь по большому счету, понятие женской свободы включает в себя не только право участвовать в демократическом процессе, – печально закончила она.

– А по-моему, книга у тебя получается – не оторвешься! – пошутила Маргерит. Она, впрочем, ни секунды не сомневалась, что Бриджит сумеет написать подробное, авторитетное, подлинно научное исследование. Уж она-то знала, на что способна ее дочь, хотя тема и казалась ей суховатой.

Замечание матери заставило Бриджит улыбнуться. В конце концов, ее книга была именно исследованием, а не романом или повестью.

– А я тоже даром времени не теряла, – заявила Маргерит. – После того как я вышла на пенсию, у меня появилась возможность вернуться к моим поискам в местном филиале Мормонской библиотеки. Я просидела там последние три недели. Просто поразительно, сколько там собрано интереснейших документов! Оказывается, у мормонов есть больше двухсот помощников-добровольцев более чем в сорока пяти странах, которые занимаются тем, что делают фотокопии архивных документов, необходимых для генеалогических исследований. Им это необходимо для того, чтобы люди могли причислить своих предков к мормонской церкви хотя бы посмертно, однако любой человек иного вероисповедания может воспользоваться этими записями для поиска родственников. Мормоны охотно делятся собранной информацией, и, как я уже говорила, в их библиотеке можно найти редчайшие записи. Благодаря этим документам мне удалось проследить историю де Маржериков до тысяча восьмисот пятидесятого года, когда они появились в Новом Орлеане. Примерно в это время они и перебрались в Америку из французской Бретани. Любопытно, что к этому времени в Новом Орлеане уже давно жили люди с такой же фамилией, но благодаря мормонским документам я окончательно удостоверилась, что они относятся к другой ветви рода де Маржериков. Наши с

тобой прямые родственники прибыли в Америку из Франции где-то в тысяча восемьсот сорок пятом году. Теперь я знаю это точно.

Слушая, с каким восторгом мать рассказывает о своих архивных изысканиях, Бриджит невольно улыбнулась. Семейная генеалогия была настоящей страстью Маргерит Николсон.

– Это был мой прадед и, соответственно, твой прапрадед, – добавила Маргерит. – Теперь американская часть истории нашей семьи более или менее ясна, осталось разобраться с нашими французскими корнями. Кем были наши предки, где они жили и так далее... Я знаю, что среди родственников Филиппа и Тристана де Маржераков, которые первыми иммигрировали в Америку, было несколько графов и маркизов, но о них мне почти ничего неизвестно – равно как и об их жизни до переезда сюда.

– Надеюсь, тебе удастся найти какие-то сведения здесь, в Штатах, – заметила Бриджит. На самом деле она была равнодушна к увлечению матери и никогда не разделяла ее интереса к семейной истории. Предки казались ей скучными, ничем не примечательными людьми, которые к тому же жили так давно, что порой представлялись Бриджит современниками динозавров.

– Пожалуй, в Мормонской библиотеке действительно кое-что найдется, и побольше, чем во Франции, – сказала Маргерит. – Ведь их добровольные помощники скопировали все французские документы и переправили сюда. В европейских странах эта работа поставлена на высоком уровне. В ближайшее время я планирую съездить в Солт-Лейк-Сити, где находится центральный мормонский архив, но и в здешней библиотеке тоже достаточно материалов.

Бриджит снова кивнула, пытаясь изобразить заинтересованность, но Маргерит это не обмануло. Она знала, что дочь довольно равнодушно относится к ее поискам.

После этого они заговорили о других вещах – о театрах, опере и балете, которые очень любили обе. Потом Маргерит рассказала дочери о новом романе, который она читала, заметив, что в ее время подобных книг вообще не было. Когда же все безопасные темы оказались исчерпаны, разговор все-таки свернул на Теда и его экспедицию. Избежать этого, наверное, было невозможно, поскольку Маргерит продолжала возмущаться его поступком, причинившим ее дочери такое разочарование. Бриджит, впрочем, успела настроиться на философский лад, кроме того, она винила в случившемся и себя. Маргерит, однако, было нелегко с этим согласиться. Она считала, что после шести лет, проведенных вместе, Тед должен был, по крайней мере, предложить Бриджит поехать с ним в Египет. Он же, напротив, воспользовался своим отъездом как предлогом, чтобы разорвать с ней отношения.

Наконец Маргерит спросила дочь, какие у нее перспективы получить новую работу. Бриджит по-прежнему хотелось остаться в Бостоне, однако она понимала, что откликов на разосланные ею анкеты ждать пока рано. Университеты еще не закончили обрабатывать заявления абитуриентов; лишь после того, как подходящие кандидаты будут отобраны и зачислены на первый курс, соответствующие департаменты начнут решать кадровые вопросы. Это означало, что примерно до середины мая ей ни на что рассчитывать не приходится, разве только в каком-то из университетов случится какой-нибудь форс-мажор, однако в этом последнем случае ей предложили бы разве что временную работу, а Бриджит это не устраивало. Уж лучше подождать, сказала она с улыбкой, когда предложения посыпятся на нее как из рога изобилия, чтобы она смогла выбрать самое подходящее. До этого момента, однако, оставалось еще несколько месяцев, и Бриджит хотелось найти себе на это время какое-нибудь не слишком обременительное занятие. Быть может, после небольшого перерыва у нее снова пойдет работа над книгой, предположила она, и тогда все будет просто замечательно. О том, чтобы помочь матери в ее генеалогических исследованиях, Бриджит даже не подумала. Составлять длиннейшие списки давно умерших, хотя и, безусловно, уважаемых родственников ей было неинтересно. Это занятие было, пожалуй, даже поскучнее ее собственной книги! Другое дело, если бы среди их предков был бы какой-нибудь знаменитый преступник, пират или на худой конец авантю-

рист-первооткрыватель. Подобное обстоятельство, считала Бриджит, могло бы в значительной мере оживить их уныло-добропорядочное фамильное древо.

Около одиннадцати вечера обе женщины поужинали и в полночь были уже в постелях. Как и всегда, когда Бриджит приезжала к матери, она легла в комнате, в которой спала и в детстве. Небольшая спальня была по-прежнему обставлена мебелью, обитой розовым вощенным ситцем с цветочным орнаментом, а на окнах висели уже подвыцветшие розовые занавески из такой же вощенки. Ткань эту Бриджит выбирала сама, и хотя с тех пор прошло много лет, ничего менять в комнате ей не хотелось. Знакомая, привычная обстановка и долгие, доверительные беседы с матерью неизменно действовали на нее успокаивающе, благо они с Маргерит всегда понимали друг друга с полуслова, а порой и без всяких слов.

И сейчас это было именно то, чего ей не хватало.

Утром мать и дочь позавтракали в кухне. Потом Маргерит отправилась в магазин, чтобы купить что-нибудь к обеду, а также чтобы навестить подруг, с которыми она ежедневно играла партию-другую в бридж. Когда-то у нее был и друг, но он умер незадолго до того, как Маргерит вышла на пенсию.

С подругами миссис Николсон общалась регулярно, и не только за карточным столом. Она ходила на званые обеды и ужины, посещала музеи, выставки и премьерные показы, участвовала в нескольких благотворительных мероприятиях. После смерти своего друга Маргерит жила одна, но одинокой себя не чувствовала и никогда не скучала. Увлечение семейной историей занимало ее в те дни, когда она никуда не выходила – Маргерит даже освоила Интернет и успешно разыскивала в нем интересующую ее информацию, и все же большую часть ценных сведений она почерпнула в фондах городской Мормонской библиотеки. В последнее время она часто мечтала о том, как, собрав все факты семейной истории, издаст книгу и подарит ее дочери, но до этого было еще далеко. Пока же ее увлекал сам процесс поиска сведений о предках и о давних событиях, в которых они участвовали. Это было увлекательнейшее занятие, что бы там ни думала по этому поводу Бриджит.

После обеда Маргерит показала дочери последние записи, которые ей удалось отыскать в мормонских архивах. Бриджит тоже не сидела на месте – пока мать отсутствовала, она успела съездить в Колумбийский университет, где работал один ее знакомый профессор. Тот пообещал, что даст ей знать, как только в кадровом отделении университета появится подходящая вакансия. Он, впрочем, сомневался, что это произойдет достаточно скоро, поэтому предложил Бриджит место преподавателя, которое она могла занять «хоть сейчас». Но Бриджит отказалась: во-первых, она никуда не торопилась, а во-вторых, у нее не было необходимого опыта. Административная деятельность по-прежнему казалась ей предпочтительнее научной или преподавательской, поскольку оставляла больше свободного времени и для работы над книгой, и для посещения курса лекций, необходимых для получения докторской степени.

Все же, несмотря на то что результат ее поездки оказался, скорее, отрицательным, настроение у Бриджит было куда лучше, чем вчера. Маргерит была права: перемена обстановки подействовала на Бриджит благотворно. Жизнь в Нью-Йорке была ключом; повсюду она видела молодые лица, благодаря чему сама атмосфера в городе казалась ей не такой консервативной и чопорной, как в Бостоне. Да, в Нью-Йорке определено было чем заняться – только выбери, и Бриджит подумала, что теперь она лучше понимает мать, которая ни за что не хотела переезжать к ней поближе.

Увидев результаты последних генеалогических «раскопок» Маргерит, Бриджит почувствовала невольное уважение. Ее матери удалось установить даты рождений и смертей всех предков по прямой линии, а также значительного количества их братьев, сестер, кузенов и кузин. Она выяснила также названия всех графств и церковных приходов в Луизиане, где они когда-то жили, названия их усадеб, размеры плантаций, а также названия городов в штатах Нью-Йорк и Коннектикут, куда они переехали после Гражданской войны. Маргерит узнала

даже, как называлось судно, на котором в 1846 году кое-кто из их предков прибыл в Америку из Бретани.

Судя по этим данным, первое поколение де Маржераков проживало в основном на юге США, и только в 1860—1870-х годах, то есть после Гражданской войны, они – или их потомки – начали перебираться на Север. Но что произошло во Франции, почему де Маржераки решили иммигрировать в Америку, по-прежнему оставалось тайной, и Бриджит подумала, что эта часть семейной истории может оказаться гораздо интереснее, чем все, что Маргерит удалось узнать до сих пор.

– Это ведь было не так давно, мама, – заметила Бриджит. – Я думаю, ты сумеешь узнать подробности у тех же мормонов – надо будет только получше покопаться в их библиотеке. В крайнем случае съездишь во Францию и выяснишь все на месте.

Маргерит улыбнулась.

– Но сначала мне все-таки придется слетать в Солт-Лейк-Сити. Тамошний архив гораздо больше, и в нем хранится немало уникальных документов, полученных из Европы. Я давно собиралась там побывать, но мне не хватало времени, к тому же слишком большие библиотеки меня пугают. Я в них просто теряюсь. Ты, мне кажется, справилась бы с этим делом куда лучше.

Она просительно взглянула на дочь, и Бриджит улыбнулась. Искренний энтузиазм матери трогал ее до глубины души.

– Знаешь, мама, – сказала она, – того, что ты уже успела насобирать, хватит на целую книгу. – Она, конечно, знала о мечте Маргерит и не могла не восхищаться ее упорством и трудолюбием.

– Боюсь только, что, кроме членов нашей семьи, читать эту книгу будет некому, – заметила миссис Николсон. – Ты, я да несколько троюродных братьев и сестер, рассеянных по всем штатам... Всего человек десять, если только во Франции у нас нет родственников, о которых я ничего не знаю. Впрочем, их существование маловероятно – никаких ныне здравствующих де Маржераков я во Франции не обнаружила. На Юге никого из наших предков тоже не осталось – их следы затерялись еще лет сто назад. Мой дед родился в Нью-Йорке в 1900 году, так что из прямых потомков французских аристократов остались только мы с тобой.

Бриджит вздохнула. Работа, проделанная ее матерью, действительно была огромна, но какой от нее прок? Тем не менее она сказала:

– Это огромный труд, мама. Я... я просто восхищаюсь тобой.

– Для меня важно знать, кем были наши деды и прадеды, где они жили, чем занимались. Иногда мне даже удается угадать, каких взглядов они придерживались, во что верили, к чему стремились. Это очень интересно, и это мое наследие. И когда-нибудь оно станет твоим. Мне очень хочется надеяться, Бриг, что рано или поздно ты начнешь относиться к истории нашей семьи иначе, чем сейчас. Я давно заметила: чем старше человек, тем больше он интересуется своими корнями. К тому же среди наших предков было немало интересных личностей, – добавила Маргерит, но Бриджит только покачала головой. Ей трудно было представить, чем могут быть интересны эти давно вымершие графы и маркизы.

Остаток недели Бриджит провела в Нью-Йорке. Возвращаться домой она не спешила, да там и не было ничего такого, что могло бы заставить ее торопиться. Они с матерью успели побывать в театре, в кино, несколько раз ужинали в уютных итальянских ресторанчиках или гуляли в Центральном парке, если позволяла погода. Общение доставляло обеим искреннее удовольствие, поскольку по обоюдному молчаливому согласию болезненных тем они старались избегать. Да и что толку было говорить, к примеру, о том же Теде? Он навсегда исчез из жизни Бриджит, и никакие разговоры не смогли бы вернуть тех лет, когда они были вместе. Так считала Маргерит, и со временем ей стало казаться, что и дочь постепенно приходит к тем же выводам. Тед повел себя как отъявленный эгоист. Он причинил Бриджит боль, а сам даже не попытался смягчить удар, так что же теперь о нем говорить?

В субботу Маргерит и Бриджит остались дома. С удовольствием пообедав, они засели за газеты. В первом выпуске воскресного «Таймс» Маргерит увидела в приложении статью о генеалогии и рассмеялась. В статье до небес превозносились мормонские добродетели – в особенности их богатейшие архивы. Ничего такого, что ей было бы неизвестно, в статье не нашлось, но, дочитав ее до конца, Маргерит задумалась.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты съездила в Солт-Лейк-Сити вместо меня, – сказала она. – Я уверена, что ты добьешься лучших результатов, ведь ты умеешь профессионально работать с архивами, а у меня это никогда не получалось. Сейчас я, увы, застряла: мне нужно проследить наши французские корни, то есть все, что было с де Маржеракками до тысяча восемьсот пятидесятого года. Ну, Бриджит, что скажешь?.. – «Тебе ведь все равно нечего делать!» – могла бы добавить миссис Николсон, но это было ясно и так. Свободного времени у Бриджит было хоть отбавляй, и какое-нибудь не слишком обременительное занятие, которое помогло бы ей скоротать время в ожидании момента, когда прояснится ситуация с работой, пришлось бы весьма кстати.

И все же Бриджит чуть не отказалась – просто по привычке, но потом ей пришло в голову, что у нее ровным счетом нет никаких причин не ехать в Солт-Лейк-Сити. Судя по тому, что она прочла в «Таймс» о Мормонском архиве семейной истории, надежды Маргерит найти там недостающие материалы были отнюдь не беспочвенными. Кроме того, Бриджит давно хотелось хоть чем-то отблагодарить мать, которая всегда помогала ей, стараясь поддержать дочь и словом, и делом. Да и, по большому счету, поездка в Солт-Лейк-Сити была делом вовсе не трудным, а коль скоро сейчас ей действительно совершенно нечем заняться, то...

– Я подумаю, мам, – сказала Бриджит. Ей по-прежнему не хотелось ничего обещать, хотя она и сообразила, что у нее появился отличный предлог отложить на неопределенный срок работу над книгой, которая так внезапно ее разочаровала.

В воскресенье утром Бриджит все еще раздумывала над предложением матери. Вечером она планировала вернуться домой, но во втором выпуске «Таймс», который они с Маргерит читали за завтраком, было написано, что Бостон снова накрыл циклон. Еще через два часа по телевизору передали, что из-за обильного снегопада перестал принимать самолеты бостонский аэропорт. В Нью-Йорке же по-прежнему было ясно – циклон из Бостона ожидался здесь лишь к завтрашнему вечеру.

– Знаешь, мам, пожалуй, я могу слетать в Солт-Лейк-Сити на пару дней, – задумчиво сказала Бриджит. – Там у меня живет школьная подруга, во всяком случае жила когда-то. Она вышла за мормона, и сейчас у нее уже восемь детей, а может, и больше. Я бы с ней повидалась и в архиве бы покопалась заодно. Думаю, мне это будет даже интересно, только ты поподробнее напиши, что именно тебе нужно.

Услышав эти слова, Маргерит улыбнулась.

– Я была бы тебе очень благодарна, Бриг. Я обязательно хочу выяснить историю наших предков в Бретани. Мормоны собрали огромное количество документов, к тому же большинство из них уже переведено в цифровой формат, так что поиск не должен быть сложным. Кроме того, в архиве работает много добровольцев, которые помогут тебе в случае каких-нибудь затруднений.

По всему было видно: Маргерит очень хочется, чтобы дочь съездила в Солт-Лейк-Сити, и Бриджит невольно улыбнулась.

– О'кей, мама, я постараюсь. – И она сняла трубку телефона, чтобы позвонить в аэропорт и забронировать билет на самолет. Ей было приятно думать, что она может чем-то помочь матери, к тому же поездка в Солт-Лейк-Сити с каждым часом казалась Бриджит все привлекательнее. Она даже подумала, вдруг ей удастся найти в Мормонском архиве что-то полезное и для своей книги. Это, конечно, было маловероятно, но Бриджит допускала такую возмож-

ность. В конце концов, она же решила использовать все шансы, которые дает ей жизнь, так почему бы не начать с малого?

Маргерит проводила Бриджит в аэропорт. Она явно была довольна тем, что ей удалось подключить Бриджит к своим поискам, да и развеяться дочери не помешает. С помощью Интернета Бриджит забронировала номер в «Карлтон-отеле», который находился всего в нескольких минутах ходьбы от Темпл-сквер, где находилось здание Мормонского архива. То, что ей удалось узнать об этой огромной библиотеке в Сети, еще больше подогрело ее интерес к поездке, и теперь Бриджит не терпелось поскорее оказаться на месте. Миллионы единиц хранения, сотни квалифицированных консультантов и помощников-добровольцев, современное компьютерное оснащение – и все это совершенно бесплатно! Единственное, за что пришлось бы платить, – это за изготовление копий документов и старых фотографий, но плата была чисто символической. Как и говорила Маргерит, архив был организован в высшей степени разумно и рационально, а главное – им действительно мог воспользоваться любой человек.

Обо всем этом Бриджит думала, когда уже поднялась на борт самолета. Она очень надеялась, что ей удастся отыскать в архиве нужные сведения. Бриджит по-прежнему не верила, что среди ее отдаленных предков найдутся какие-то выдающиеся исторические деятели или иные яркие фигуры. До сих пор, во всяком случае, Маргерит не удалось обнаружить ни одной по-настоящему интересной личности: большинство предков Бриджит были осмотрительными, осторожными и вполне заурядными аристократами, которые почему-то решили перебраться в Америку в середине XIX столетия – через много лет после того, как закончилось правление Наполеона. Почему-то Бриджит была уверена, что они приехали сюда вовсе не потому, что совершили на родине какие-то ужасные преступления или подняли антиправительственный бунт, нет. Скорее всего, ее предки просто-напросто обеднели, и кто-то из них отправился искать счастья в Новый Свет. И все же одно дело – предполагать, и совсем другое – знать наверняка, и Бриджит поймала себя на том, что неожиданно для самой себя она заинтересовалась жизнью своих далеких предков до того, как они перебрались в Луизиану, как они пережили наполеоновское правление и Великую французскую революцию. Внезапно это исследование стало казаться ей даже более важным, чем история избирательного права для женщин в разных странах. Быть может, подумала Бриджит, ее мать была права и поиск собственных корней – занятие гораздо более достойное, чем сбор материалов для никому не нужной книги. Что ж, похоже, в Солт-Лейк-Сити она узнает окончательный ответ на этот вопрос.

Перелет до Солт-Лейк-Сити – «мормонской столицы» Соединенных Штатов – занял пять с половиной часов. Из аэропорта Бриджит сразу отправилась в отель. «Карлтон» был гостиницей в европейском стиле, построенной в 1920-х годах, и он действительно находился совсем близко от здания архива, куда Бриджит собиралась отправиться завтра. Времени, впрочем, у нее было достаточно, поэтому перед ужином Бриджит отправилась бродить по городу, чтобы лучше освоиться на новом месте. Она сразу нашла площадь Темпл-сквер, а на ней – внушительное здание Мормонского архива, стоявшее между Церковно-историческим музеем и хижиной Дьюла, построенной в 1847 году и считавшейся самым старым зданием в городе. Осмотрела Бриджит и собор с его величественными шпилями, и мормонский молельный дом, куда любой человек мог прийти на репетиции и концерты знаменитого на всю страну хора. Оба здания показались ей очень красивыми. До вечера Бриджит успела побывать еще и возле Законодательного собрания штата, увидеть усадьбы Лайон-Хаус и Бихайв-Хаус, построенные в середине 1850-х годов и служившие официальной резиденцией главы мормонской церкви и первого губернатора штата Юта Бригама Янга.

Несмотря на прохладную погоду, на площади было много людей, и все они с интересом рассматривали исторические здания. Бриджит решила, что это, скорее всего, туристы, которых в городе оказалось на удивление много. Все они были оживлены; их приподнятое настроение невольно передалось и Бриджит, и в отель она вернулась в отличном расположении духа.

Дело, ради которого она приехала в Солт-Лейк-Сити, теперь представлялось ей даже захватывающим, и Бриджит совершенно не жалела о том, что согласилась выполнить просьбу матери. Каким-то образом предстоящая работа в архиве придавала ее жизни новое измерение, а не просто помогала скоротать свободное время, которого у нее было теперь предостаточно.

Заказав ужин в номер, Бриджит позвонила матери и поделилась с ней своими первыми впечатлениями. Ей было жаль, что Маргерит не поехала с ней – Солт-Лейк-Сити оказался на редкость интересным городом. Здесь было на что посмотреть.

– Я бы все равно не смогла составить тебе компанию, – ответила Маргерит. – У нас тут намечается турнир по бриджу, и мне не хотелось бы его пропустить. У меня неплохие шансы на победу.

Услышав эти слова, Бриджит улыбнулась. Маргерит проработала редактором двадцать пять лет и теперь всю наслаждалась отдыхом. И Бриджит не имела ничего против; она была только рада, что мать не сидит целыми днями перед телевизором, жалуясь на скуку и одиночество. Жизнь Маргерит была по-прежнему насыщенной, хотя и другими делами и интересами. Бриджит оставалось только благодарить Бога за то, что у матери хватало сил и здоровья и на бридж, и на многое другое. Тут же, у телефона, она сказала себе, что если поиски родственников так важны для Маргерит, ее долг помочь матери.

У самой Бриджит было предчувствие, что работа в Мормонском архиве может существенно продвинуть поиски. В базах данных архива числилось около двух миллиардов имен, полмиллиона катушек с микрофильмами и триста тысяч справочных томов со сведениями о рождениях и смертях, собранными во многих странах мира. Среди этого огромного массива информации должны отыскаться и какие-нибудь сведения об их французских родственниках.

Маргерит хотела, чтобы Бриджит залезла как можно дальше в прошлое. Ей, несомненно, было бы очень приятно узнать, что когда-то давно де Маржераци сыграли важную роль в истории Франции (история интересовала ее с ранних лет). Бриджит незаметно для себя начала думать так же, как и мать. Во всяком случае, генеалогический поиск значил для нее теперь гораздо больше, чем избирательное право для женщин, на изучение которого она потратила семь лет жизни. Проникнуть в прошлое, узнать, кем были твои далекие предки, – в этом было что-то глубоко личное, и Бриджит едва могла сдержать волнение при мысли о том, что история ее семьи, возможно, хранится сейчас в величественном здании, стоящем буквально в двух шагах от ее отеля.

За ужином Бриджит неожиданно вспомнила о Теде и пожалела, что не может рассказать ему о том, чем она сейчас занята. Насколько ей было известно, он все еще в Бостоне, и Бриджит едва удержалась, чтобы не позвонить ему. Лишь в последнюю минуту она сообразила, что, возможно, для нее будет слишком мучительно услышать голос человека, с которым она так неожиданно рассталась. Да и неинтересны ему ее предки – теперь Теда вдохновляют только его будущие египетские открытия.

В конце концов Бриджит решила позвонить своей школьной подруге, но вскоре поняла, что отыскать ее будет гораздо труднее, чем следы де Маржерачков. Бетси говорила, что ее муж – прямой потомок Бригама Янга, но в телефонном справочнике Солт-Лейк-Сити людей с такой фамилией оказалось полтора десятка страниц. Мужа Бетси звали Джоном, но это нисколько не облегчало задачу, поскольку Джонов Янгов в городе тоже хватало. Похоже, поняла Бриджит, с надеждой повидаться с подругой придется расстаться, а жаль. Когда они в последний раз созванивались, Бетси только что родила восьмого ребенка, и Бриджит хотелось расспросить ее, каково это – быть матерью столь многочисленного семейства. Самой Бриджит это казалось невероятным, но в мормонской Юте подобное было в порядке вещей.

Ночью Бриджит спала крепко, хотя на новом месте она обычно чувствовала себя не слишком уютно. Под утро ей приснился Тед – она все еще скучала по нему и никак не могла поверить, что он навсегда исчез из ее жизни. Зато теперь Бриджит ждали столетия семейной

истории, и она была благодарна матери за то, что она сумела отвлечь ее от размышлений о совершенных ошибках и неудачах.

Дежурная по телефону разбудила Бриджит в восемь утра, как она и просила. Стоя под душем, одеваясь и завтракая, она буквально дрожала от нетерпения и даже не доела заказанные накануне овсянку и тосты. Наскоро глотнув чаю, Бриджит выскочила из номера и поспешила на Темпл-сквер, благо после вчерашней разведки она легко могла найти дорогу.

Через пять минут быстрой ходьбы она уже была на месте и входила в вестибюль Архива семейной истории. Здесь повсюду были развешаны знаки и указатели, которые помогли ей быстро сориентироваться. Десятки помощников и консультантов, казалось, только и ждали, когда кто-нибудь обратится к ним за помощью. Один из них и направил Бриджит на второй этаж – в отдел, где хранились сведения, полученные из Европы. Здесь Бриджит объяснила молоденькой служащей, что разыскивает своих французских предков.

– Они жили в Париже? – спросила девушка, привычным движением раскрывая перед собой пухлый блокнот.

– Нет, насколько мне известно, они жили где-то в Бретани и приехали в Новый Орлеан незадолго до 1850 года. – Бриджит сама написала в ее блокноте девичью фамилию матери – де Маржерак. Насколько она знала, в это время Луизиана, проданная Наполеоном американцам за пятнадцать миллионов долларов, уже входила в состав США. – Меня интересует, что было раньше, – добавила она и улыбнулась сотруднице, на груди которой висел бейджик с именем и фамилией. Девушку звали Маргарет Смит, но она представилась Бриджит как Мег.

– Постараюсь вам помочь, – сказала Мег, дружелюбно улыбнувшись в ответ. – Подождите, пожалуйста, несколько минут. – С этими словами она показала Бриджит на небольшой диванчик у стены. На столе рядом стоял проектор для чтения микрофильмов, с помощью которого можно было просматривать пленки с отснятыми добровольцами документами: свидетельствами о рождении и смерти, метриками и страницами церковно-приходских книг.

Мег вернулась минут через двадцать. С собой она принесла катушку с микропленкой, и они с Бриджит подсели к проектору. Включив аппарат, Мег зарядила пленку, и две женщины начали вместе просматривать найденные документы. Прошло еще минут десять, прежде чем Бриджит заметила знакомую фамилию. Она попросила остановить просмотр и впилась глазами в документы. Это оказалось именно то, что нужно: сведения о рождении в 1819 году Луизы де Маржерак. Следом за ней – с интервалом всего в несколько лет – появились на свет ее братья Филипп, Эдмон и Тристан. Последним, в 1825 году, родился Кристиан де Маржерак, который, впрочем, прожил на свете всего несколько месяцев. Судя по сопроводительному тексту, документы были найдены и скопированы именно в Бретани, так что никаких сомнений у Бриджит не оставалось, а главное – это была ниточка, потянув за которую можно было выяснить судьбу предыдущего поколения де Маржераков. Потребовалось, однако, почти сорок минут, прежде чем Мег отыскала на пленке записи о рождении Жана, Габриэля и Поля, которые появились на свет между 1737 и 1745 годом, то есть незадолго до начала Французской революции.

И снова Бриджит попросила остановить просмотр и переписала в тетрадку их полные имена, даты рождений и смертей. Потом они с Мег вернулись к началу пленки и там, среди прочих документов, обнаружили не замеченные ими ранее свидетельства о смерти в 1860-х Луизы и Эдмона де Маржераков. Но сколько они ни искали, им так и не удалось выяснить, в каком году скончались Филипп и Тристан. В конце концов Мег предположила, что оба брата, вероятно, умерли где-то вдали от родных мест, и Бриджит кивнула. От матери она знала, что это были те самые де Маржераки, которые прибыли в Новый Свет незадолго до 1850 года. Тем не менее она снова все подробно записала, хотя и собиралась заказать в архиве копии найденных документов.

И снова они с Мег отправились в далекое прошлое и там обнаружили записи о крещении Тристана и Жана – как догадалась Бриджит, эти имена будут еще не раз повторяться в после-

дующей истории рода. Жан родился в 1760 году, Тристан – на десять лет раньше. О смерти первого из братьев никаких сведений, по-видимому, не сохранилось, а вот старший, маркиз де Маржерак, скончался в 1817-м, вскоре после отречения Наполеона. Его супруга умерла несколько месяцев спустя, но о ее рождении в бретанских архивах никаких данных не было, и Бриджит предположила, что она, видимо, была родом из какой-то другой французской провинции. Уточнив дату ее смерти, Бриджит стала переписывать данные в свой блокнот и вдруг замерла. Ее поразило имя маркизы. Оно показалось ей необычным, если не сказать – странным.

– Что это за имя? – спросила она хранительницу. – Разве оно французское?

– Не думаю. – Мег улыбнулась. Она работала в архиве недавно, но успела помочь многим людям, приезжавшим в Солт-Лейк-Сити в поисках родственников. И в истории почти каждой семьи непременно оказывалась какая-то тайна, загадка.

Бриджит между тем пристально всматривалась в снимок документа, старательно заполненного рукой церковного писаря или дьячка: маркизу де Маржерак, умершую в 1817 году, звали Вачиви.

– Мне кажется, – сказала Мег, – такое имя мне уже встречалось. Я почти уверена, что это американское, точнее – индейское имя. Если хотите, я могу провести поиск, но по-моему, это имя индианки из племени сиу.

– Как странно, что французскую девочку назвали индейским именем! – удивленно проворкотала Бриджит.

Мег оторвалась от проектора, и пока Бриджит перепроверяла свои записи, куда-то вышла. Вернувшись, она с довольным видом кивнула.

– Я не ошиблась, – сказала она. – «Вачиви» на языке сиу значит «танцовщица» или «танцующая». Красивое имя...

– Но откуда у французской аристократки индейское имя? – снова спросила Бриджит, продолжая недоумевать. Где могла слышать это имя мать девочки и почему ей пришла в голову фантазия назвать дочь именно так? Подобный поступок казался Бриджит как минимум эксцентричным, хотя с другой стороны, кто знает, какие обычаи и какая мода бытовали во Франции в далеком XVIII веке.

– На самом деле это вовсе не так странно, как может показаться на первый взгляд, – заметила Мег. – Где-то я читала, что французский король Людовик XVI очень интересовался жизнью американских индейских племен. Незадолго до революции он даже пригласил ко двору нескольких вождей. Возможно, некоторые из них так и остались во Франции. Кстати, в те времена основные океанские порты, связывавшие Старый и Новый Свет, находились именно в Бретани. Наверное, один из вождей остался во Франции, а его дочь вышла замуж за маркиза, вашего родственника. Одна она пересечь океан все равно не могла, так что скорее всего именно так и было. Революция произошла в 1789-м, а Людовик пригласил вождей в 1780-х. Если дочери одного из них было лет пятнадцать-двадцать, следовательно, когда она умерла в 1817-м, ей было чуть за пятьдесят – весьма солидный возраст по тем временам. Трое мальчиков, родившихся в промежутке между восемьдесят шестым и восемьдесят девятым годом, почти наверняка были ее сыновьями. В общем, поздравляю вас... – Мег снова улыбнулась. – Среди ваших предков была индианка, которая приехала в Бретань из Америки и покорила сердце маркиза. Я, во всяком случае, никогда не слышала о француженках по имени Вачиви, а вот у сиу это имя было довольно популярным. – Она кивнула. – Можете не сомневаться, мисс Николсон, несколько вождей сиу действительно побывали во Франции в конце XVIII века, и кое-кто из них там и остался. Это абсолютно достоверный исторический факт, хотя он мало кому известен. Лично я всегда восхищалась этими индейцами, которые отправились за океан не как рабы, слуги или пленники, а добровольно. Французский король считал их своими почетными гостями и даже представил ко двору.

Бриджит машинально кивнула. Она была совершенно очарована тем, что только что услышала. В истории ее собственной семьи, которую она всегда считала ничем не примечательной, отыскалось нечто, что задело ее за живое и пробудило в ней жадный интерес. Как, при каких обстоятельствах маркиз де Маржерак, приходившийся прапрадедом ее матери, встретил юную индейскую скво и женился на ней, сделав французской аристократкой? Сам этот факт, как казалось Бриджит, никаких доказательств не требовал – как и то, что одного из сыновей маркиза называли в честь его младшего брата, умершего неизвестно когда, неизвестно где.

История между тем становилась все запутаннее. Очередной поиск по старым документам принес Бриджит новое открытие: оказывается, у старого маркиза было еще двое детей, по имени Агата и Матье, родившихся раньше его детей от Вачиви. Их мать звали иначе, и скончалась она в 1778 году – вскоре после рождения Агаты, следовательно, это Вачиви была второй женой маркиза. Одно это было достаточно примечательным: насколько было известно Бриджит, в те времена повторные браки были редкостью, поэтому она сразу предположила, что союз этот был заключен, скорее всего, при каких-то особых обстоятельствах.

Иными словами, ее семейная история буквально на глазах превращалась в какой-то исторический триллер. Бриджит, впрочем, не имела ничего против – тайны прошлого захватили ее, и ей не терпелось продолжить увлекательный поиск.

– А как мне найти дополнительные сведения о Вачиви? – спросила Бриджит у хранительницы архива. Она была в восторге – всего за час с небольшим ей удалось продвинуться на добрую сотню лет дальше в прошлое, чем ее матери, и к тому же раскопать самую настоящую тайну. Теперь у них обеих было над чем поломать голову.

– За этими сведениями вам придется обратиться к сиу – в Архив истории племен коренных американцев, – объяснила Мег. – Они тоже собирают и хранят различные документы, но индейская библиотека по понятным причинам не такая полная, как наша, к тому же их материалы ограничены главным образом американским континентом. Впрочем, в последнее время индейский архив активно собирает и записывает устные предания и другие сведения этнографического характера. Возможно, отыскать там сведения о Вачиви будет непросто, но вы все же попытайте счастья.

– И с чего надо начать? – осведомилась Бриджит. – С Бюро по делам индейцев?

– Нет, – Мег рассмеялась, – я бы посоветовала обратиться непосредственно в Исторический центр сиу в Южной Дакоте. Большая часть документов хранится именно там. Если Вачиви была дочерью знаменитого вождя или сама совершила что-то необычное, как Сакагавея... Впрочем, экспедиция Льюиса и Кларка состоялась лет через двадцать после того, как наша Вачиви попала во Францию, – добавила она задумчиво. Сейчас обе женщины чувствовали себя так, словно только что обрели близкую подругу, а Бриджит к тому же испытывала прилив теплых чувств к индейской родственнице, вышедшей замуж за француза-маркиза.

– Вы, кстати, тоже похожи на индианку, – осторожно заметила Мег, быстро взглянув на Бриджит. Она не знала, как та отреагирует на такие слова, но Бриджит только глубоко задумалась.

– Я всегда считала, что черные волосы у меня от отца, – сказала она после небольшой паузы. – Он был ирландцем, и... Но, быть может, это вовсе не так. Если во мне есть гены Вачиви, то... – Мысль о том, что среди ее предков есть не только французские аристократы, но и коренные американцы, неожиданно доставила ей удовольствие, и Бриджит захотелось узнать о Вачиви больше. По ее просьбе они с Мег еще целый час просматривали материалы архива, но никаких других сведений о де Маржераках у мормонов не отыскалось. Впрочем, и то, что она уже нашла, было немало. Бриджит сумела собрать сведения о трех поколениях предков, а кроме того, раскопала самую настоящую фамильную тайну, которую она воспринимала теперь как настоящий подарок судьбы.

Поблагодарив Мег, Бриджит вернулась в отель и сразу же позвонила матери. Маргерит ответила на втором звонке, и голос у нее был довольный: она и ее партнерша выиграли турнир по бриджу и уже начали готовиться к следующему.

– А у меня есть для тебя потрясающие новости, – сообщила Бриджит с энтузиазмом, который обрадовал ее мать даже больше, чем победа в карточной игре. – И они касаются нашей семейной истории!

– Ты что-то нашла? – спросила Маргерит, заражаясь ее волнением.

– Нашла, и много! Я заказала копии документов по трем поколениям наших предков в Бретани, и у двоих из них – у Тристана и Филиппа – неизвестны даты смерти. Филипп был старшим из братьев, поэтому, вероятно, именно он носил титул маркиза, но это еще нужно уточнить.

– Именно Тристан и Филипп де Маржераци приехали в Новый Орлеан незадолго до тысяча восемьсот пятидесятого года! – воскликнула Маргерит. – Господи, Бриджит, неужели ты их нашла?! Об этих двоих я знаю многое, почти все. Филипп был моим прадедом по отцовской линии. После Гражданской войны его брат Тристан перебрался в Нью-Йорк, а Филипп так и умер в Новом Орлеане. Как я рада, что ты узнала даты их рождения. Мормоны просто молодцы. А кто еще там был? Из наших родственников я имею в виду?

– Еще я нашла их сестру или кузину Луизу и брата Эдмона, которые умерли во Франции. Был еще один брат – Кристиан, но он умер в младенчестве. Из более старшего поколения я разыскала Жана, Габриэля и Поля – сыновей Тристана де Маржерака, у которого было еще двое детей от первой жены. Первая маркиза де Маржерак умерла довольно рано, а вот вторая скончалась почти одновременно со своим супругом. В общем, нам, кажется, придется поехать во Францию, чтобы точно выяснить, кто был на ком женат, иначе просто невозможно определить, кто родные братья, а кто – двоюродные. Но самое удивительное касается второй жены маркиза, которая жила во времена Людовика XVI. Это что-то невероятное!

– Всего один день работы – и такие результаты! – воскликнула Маргерит, которая и в самом деле была поражена. История семьи, которую она так долго изучала, собирая материалы буквально по крупицам, вдруг стала длиннее на добрую сотню лет, пополнившись новыми удивительными деталями и подробностями. И все это благодаря Бриджит, потому что в местной мормонской библиотеке нужных документов просто не было, а самой лететь в Солт-Лейк-Сити Маргерит было тяжело.

– Мне очень помогла консультант архива, – сказала Бриджит. – Она нашла нужные материалы буквально за несколько минут. Ты была права, мама, все документы действительно находятся там, и я... Я была просто счастлива, когда увидела на микроплёнке фамилию де Маржерак. И знаешь, мне даже кажется, что найти их мне было суждено, понимаешь?

Она и в самом деле так думала. В ее удаче определенно было что-то мистическое, предопределенное. Еще никогда за десять лет занятий антропологией Бриджит не совершала столь захватывающего открытия.

– Ты не поверишь, мама, но вторую жену маркиза звали Вачиви, – сказала Бриджит таким тоном, словно вручала матери драгоценный подарок.

– Вачиви?... – Голос Маргерит прозвучал озадаченно – она решила, что ослышалась. – Разве это французское имя? Я что-то не...

– Она была индианка из племени сиу, представляешь?! Мне сказали, что король Людовик XVI пригласил нескольких вождей сиу в Париж в качестве гостей, и кто-то, вероятно, остался там навсегда. Вачиви могла быть дочерью одного из них, поскольку в те времена индейская женщина вряд ли могла добраться до Франции самостоятельно. На языке сиу это имя значит «танцовщица» или «танцующая» – так мне сказала консультант архива. В общем, мама, когда-то очень давно в нашей семье была индианка, которая вышла замуж за маркиза и родила ему трех сыновей. Один из них впоследствии стал отцом Филиппа и Тристана, которые приехали

в Новый Орлеан в тысяча восемьсот пятидесятом или несколько раньше. Старый Тристан де Маржерак и Вачиви были их дедом и бабкой. – Бриджит немного помолчала. – Знаешь, мама, мне хочется узнать о Вачиви как можно больше, но для этого мне придется обратиться в индейский архив в Южной Дакоте. Пожалуй, я полечу туда прямо из Солт-Лейк-Сити, чтобы не тратить зря время. Посмотрим, что мне удастся выяснить.

Бриджит по-настоящему загорелась новой идеей. Такого воодушевления она не испытывала, пожалуй, с тех самых пор, когда училась в колледже, – именно возможность совершать подобные неожиданные открытия и привлекала ее в занятиях антропологией. Кроме того, ей наконец-то удалось отыскать родственницу, которая была во всех отношениях удивительным человеком, и Бриджит спешила узнать о ней все. Даже имя – Танцующая – казалось ей необычайно романтичным, пробуждая в Бриджит какие-то необыкновенные фантазии и мечты. Вачиви! Какой она была? Как складывалась ее судьба?

– Даже не верится, – заметила Маргерит, – что юная индейская девушка смогла добраться до Франции и выйти замуж за маркиза. В те времена это было очень далекое и трудное путешествие. Чтобы пересечь океан, нужно было плыть несколько месяцев на утлом парусном суденышке. Должно быть, она была очень храброй и мужественной.

– А представь, каково ей было оказаться в Европе?! Она ведь, наверное, в жизни не видела ничего, кроме лесов и прерий, – добавила Бриджит. – Надеюсь, мне удастся напасть на ее след в преданиях, которые сиу тоже записывают и систематизируют. Эта милая девушка-консультант из Мормонского архива сказала, что у меня есть шанс. Правда, найти упоминания о Вачиви я смогу только в случае, если она была дочерью вождя, но попытаться все равно стоит. Обычную индейскую девушку вряд ли повезли бы к королевскому двору, а я уверена, что она встретила маркиза именно там.

– Боюсь, что подробностей мы уже никогда не узнаем, – заметила Маргерит, но Бриджит проигнорировала ее слова. Она уже увлеклась своим открытием и хотела выяснить все, что было возможно, о своей прапрапрабабке. Бриджит ощущала себя прямой наследницей маркизы Вачиви де Маржерак, супруги французского аристократа и, возможно, дочери одного из индейских вождей. При мысли о том, что среди ее предков была такая незаурядная женщина, она испытала прилив уверенности и в своих собственных силах. Бриджит будто слышала голос Вачиви, которая окликала ее сквозь века, манила своей неразгаданной тайной и одновременно делилась своими силой и мужеством.

И на этот зов Бриджит была готова откликнуться.

Глава 4

Поездка в Южную Дакоту оказалась более продолжительной и трудной, чем рассчитывала Бриджит. Из Солт-Лейк-Сити ей пришлось вылететь в Миннеаполис и там дожидаться нужного рейса до Су-Фолс, на что ушел почти целый час. В результате в Су-Фолс она прибыла только через шесть с половиной часов, но и это было еще не все. Университет, куда ей не терпелось попасть, располагался в Вермильоне, в шестидесяти пяти милях от города, и Бриджит была вынуждена заночевать в Су-Фолс, в небольшом, но опрятном и уютном мотеле, расположенном возле ухоженного городского парка.

Сам город расположился на высоком берегу реки Биг-Су, и Бриджит, оставив вещи в мотеле, решила немного прогуляться, а заодно и поужинать. Довольно быстро она обнаружила на окраине парка дешевый ресторан и зашла туда, чтобы перекусить и поглазеть на местных жителей. Бриджит всегда нравилось наблюдать за людьми – за тем, как они едят, общаются, занимаются своими делами – и стараться угадать, какие тревоги или, наоборот, радости они испытывают. Лучше всего это получалось делать в ресторанах, поэтому Бриджит часто называла свои наблюдения «антропогастрономической практикой».

Когда после ужина Бриджит вышла на улицу, то, к своему удивлению, увидела только что выпавший снег. Температура заметно упала, и она поспешила в мотель, чтобы назавтра как можно раньше выехать в Вермильон. Ее целью был Университет Южной Дакоты, а точнее – действовавшие при нем Институт американских индейцев и Мемориальная библиотека доктора Джозефа Харпера Кэша. Именно там хранились книги, фотографии, аудио- и видеозаписи устных преданий индейских племен, которые разыскивала Бриджит. Сами сиу называли свои мифы и легенды «уроками», и она надеялась, что они помогут ей раскрыть тайну Вачиви.

Куда обращаться, если в хранилище не найдется искомым материалов, Бриджит понятия не имела. Институт американских индейцев был основным источником информации, касающейся сиу. В его архивах находилось более шести тысяч записанных на пленку рассказов полуполюбопытного свойства, касающихся истории этого племени американских аборигенов. Бриджит знала, что у не имеющих письменности народов устная традиция передачи информации способна сохранять сведения о достаточно давних событиях, однако даже ей было ясно, что напасть на след Вачиви, жившей более двухсот лет назад, будет очень нелегко. Вот уж действительно, проще было отыскать иголку в стоге сена, однако сдаваться Бриджит не собиралась. Она почему-то была уверена, что ей повезет. Были у нее и иные соображения. Тот факт, что Вачиви отправилась вместе с отцом в Страну Белых за Большой Водой, сам по себе должен был сделать ее достаточно известной, и не только среди сиу, но и у индейцев других племен. Кроме того, Бриджит предполагала, что девушку отправили вместе с вождями ко двору Людовика, потому что она должна была как-то проявить себя еще до этого путешествия. «Вачиви» значит «танцующая», – вспомнила Бриджит. – Быть может, она должна была продемонстрировать Людовику индейские ритуальные танцы?»

На следующий день утром Бриджит была уже в институте. Как только она объяснила цель своего приезда, ее сразу направили в архивную библиотеку. Сотрудница библиотеки, к которой обратилась Бриджит, внимательно ее выслушала и пообещала сделать все возможное, чтобы ей помочь. Вероятность того, что простая индейская скво могла оказаться при дворе Людовика XVI и стать женой аристократа, весьма ее заинтересовала. Если бы факт того, что Вачиви действительно была одной из первых (и весьма немногочисленных) представителей Нового Света, которым, как Томасу Джефферсону и Бенджамину Франклину, довелось встречаться с французским монархом, подтвердился, это могло бы стать настоящей научной сенсацией. Но прежде нужно было выяснить, как и почему она оказалась во Франции, с кем она туда отправилась и почему она в конце концов осталась там, а не вернулась на родину. Бриджит

полагала, что Вачиви могла путешествовать с отцом, возможно, с братьями или другими родственниками. Юная индианка не могла бы приплыть во Францию одна – в те времена подобное было просто невысказано.

Библиотекарша, представившаяся как Джен, подтвердила ее предположения, сказав, что поведение юных девушек-сиу очень строго регламентировалось. До замужества они были обязаны хранить девственность, поэтому их контакты с представителями противоположного пола ограничивались вплоть до того, что девушка не имела права смотреть в глаза мужчине-соплеменнику. Несомненно, эти правила соблюдались и во время морского путешествия, и в самой Франции, поэтому о том, как Вачиви ухитрилась познакомиться с маркизом – а также о том, как отреагировали на их намерение пожениться ее и его родственники, – оставалось только догадываться. Кроме того, их брак был освящен церковью, следовательно, перед венчанием Вачиви должна была принять католическую веру. В любом случае союз французского маркиза и индианки-сиу был уникален, и Бриджит снова подумала о том, как ей повезло. Отыскать родственницу, история которой не только тронула ее до глубины души, но и разожгла воображение, – это была самая настоящая удача, которая заставила ее отвлечься от собственных недавних переживаний.

Потом библиотекарша принесла из хранилища альбомы с многочисленными фотографиями юных девушек-сиу. На этот раз Бриджит и сама заметила определенное сходство между собой и некоторыми из них. Правда, она была старше изображенных на фото девушек, да и выглядела вполне современно, и все же в форме ее носа и скул отчетливо прослеживались индейские черты. Общее впечатление усиливалось благодаря прямым черным волосам Бриджит. Не исключено, конечно, что внешнее сходство с девушками на фотографиях было всего лишь совпадением, однако Бриджит очень хотелось думать, что индейские гены Вачиви передались ей через века. Для нее это было еще одним – и вполне реальным – доказательством того, что отважная индианка действительно была ее предком. Скорее бы вернуться домой и рассказать обо всем Эми! То-то она удивится, может быть, даже позавидует подруге. Да и сама Бриджит чувствовала себя другим человеком. Раз Вачиви сумела в одиночку бросить вызов неизвестности, думала она, значит, и я смогу. Тем более что мы с ней не чужие люди.

Потом Джен принесла видеоматериалы с этнографическими записями устных рассказов. Их было так много, что Бриджит даже растерялась, не зная, с чего начать. К счастью, библиотекарша хорошо ориентировалась в материале и сразу отобрала самые старые записи. Бриджит и Джен просматривали их до самого закрытия, но никаких сведений о Вачиви им обнаружить не удалось. Больше того, им не попалось даже ни одного упоминания о вожде, который отправился бы за океан ко двору французского короля, хотя Бриджит твердо знала, что это не вымысел и что во Францию отправился не один человек, а целая группа. Библиотекарша тоже когда-то читала об этом, правда, в книгах по истории Франции, а не в индейских источниках. В одной из книг ей даже попался старинный рисунок с изображением вождей сиу, одетых в придворные камзолы и головные уборы из перьев.

В мотель Бриджит возвращалась расстроенная. Впрочем, неудача ее не обескуражила – в конце концов, она просмотрела еще не все материалы. Быть может, завтра, думала Бриджит, ей повезет больше. Из мотеля она позвонила матери, а потом легла спать. Ночью ей приснилась Вачиви, которая приветливо махала Бриджит рукой.

Но и на второй день она ничего не нашла, хотя просмотрела чуть не вдвое больше записей, чем накануне. Бриджит готова была уже сдать, когда на третий день библиотекарша принесла фотокопии рассказов, записанных в 1822 году со слов стариков одного из индейских племен. Один из них рассказывал о временах, когда он был юношей; он-то и упомянул о вожде Матошке, или Белом Медведе. От первой жены, погибшей во время грозы, у вождя было пятеро отважных сыновей, а от второй, совсем юной, скончавшейся во время родов, – красавица-дочь. По словам старика, отец в ней души не чаял, и она росла, надежно опекаемая своим

отцом и братьями. Выходить замуж девушка не спешила, да и Матошка, похоже, не считал ни одного воина в племени достойным руки его дочери. Многие к ней сватались, но все получали отказ. Старик, делившийся воспоминаниями с интервьюером, утверждал, что девушка была очень красива и горда, но ее имени он не назвал. Вместо этого он перешел к описанию кровопролитной войны с индейцами племени кроу, в которой погибло много храбрых воинов. Лишь в самом конце старик сказал, что во время нападения на лагерь Матошки военный отряд кроу убил двух из пяти братьев девушки, а саму ее захватил в плен, чтобы отвезти своему вождю в качестве наложницы. Воины сиу попытались отбить пленницу, но враги как сквозь землю провалились, и воины вернулись ни с чем. Узнав об этом, вождь Матошка, тоже раненный во время нападения на лагерь, слег и уж больше не вставал. В том же году он скончался от горя и тоски по дочери. Как сказал старик, когда девушка пропала, вместе с ней ушел и дух великого вождя. Сам рассказчик был тогда еще очень молод, но отчетливо помнил те драматические события. Он также добавил, что впоследствии до племени дошли слухи, будто плененная дочь Матошки сумела убить вождя кроу и сбежать, но что с ней стало потом, никто не знал. Никто больше не видел ее ни живой, ни мертвой – в родное племя она, во всяком случае, не вернулась. Правда, ему рассказывали, что кто-то видел очень красивую скво, путешествовавшую в обществе белого мужчины, но кто знает, может, это все были выдумки. Сам рассказчик склонялся к мысли, что девушку забрал Великий Дух за то, что она убила вождя кроу. Девушку звали Вачиви, добавил старик, и таких красавиц он никогда больше не видел, хотя прожил на белом свете почти шесть десятков зим.

Бриджит глазам своим не поверила, когда увидела знакомое имя. Вачиви! Неужели ей повезло и это действительно она – дочь великого вождя Матошки и жена маркиза де Маржерака? Дальше в тексте шло описание охоты на Великих равнинах, но Бриджит просматривала их совершенно механически и только следила, не мелькнет ли где заветное имя. Вачиви выкрали из ее родного племени, чтобы отдать в жены вождю кроу, но она убила его и сбежала. Интересно, кем был тот белый мужчина, с которым ее видели? У Бриджит было такое ощущение, будто Вачиви и в самом деле превратилась в призрак – неуловимый, таинственный и прекрасный. Неужели это она в конце концов объявилась во Франции? Бриджит всей душой хотела, чтобы это оказалось именно так, но рациональная часть ее сознания твердила, что у нее нет ровным счетом никаких доказательств. А взять эти доказательства было совершенно неоткуда. Все же с тех пор прошло двести лет, и следы Вачиви давно затерялись.

А может, доказательства не так уж важны, подумала Бриджит. Может, достаточно просто предположить, что все было именно так? В любом случае ей было что рассказать матери, и все же она не хотела сдаваться. Иногда – особенно если речь шла о поисках истины – Бриджит умела становиться такой же неуступчивой и упрямой, как и ее мать.

Еще неделю Бриджит и Джен просматривали архивные материалы племени кроу, которые тоже, как и сиу, относились к индейцам-дакотам, хотя нередко воевали с сиу из-за лучших пастбищ и охотничьих участков. В обеденный перерыв обе женщины ходили в ближайший ресторан и там с жаром обсуждали истории, с которыми удавалось познакомиться за день. Истории эти были на редкость интересными и захватывающими, и вскоре Бриджит буквально влюбилась в тех, о ком читала. Когда же она разговаривала об индейцах с Джен, давние события словно оживали перед ее глазами, и порой Бриджит начинало казаться, что она научилась путешествовать в прошлое на какой-то таинственной машине времени.

Впрочем, в течение нескольких дней ничего нового о Вачиви им не попало, и лишь под конец их поисков в одном из документов они обнаружили продолжение ее истории. И эти записи полностью подтверждали то, о чем Бриджит уже догадалась.

Еще один старый индеец вспоминал вождя кроу Напауши, которого он знал в детстве. Это был великий вождь, рассказывал старик, у него было две жены и несколько наложниц, одна из них – настоящая красавица, отбитая во время нападения на лагерь враждебного пле-

мени. Ее, однако, рассказчик считал злым духом, который околдовал вождя, заманил в лес и убил. Тело вождя впоследствии нашли на берегу озера, девушка же бесследно исчезла. Сначала кроу считали, что ее захватило другое племя, но потом один белый охотник сообщил индейцам, что бывшая наложница уехала на юг с каким-то французом и что преследовать ее было невозможно, поскольку беглецы успели покинуть охотничью территорию племени. Рассказчик, впрочем, продолжал считать девушку духом, который растаял после того, как расправился с Напауши. Имени пленницы рассказчик не называл (как объяснила Джен, звать духов по имени у индейцев плохая примета), но Бриджит была убеждена, что речь идет о Вачиви. А упоминание неизвестного француза, с которым она якобы путешествовала, и вовсе ее заворожило. Бриджит с самого начала была уверена, что Вачиви кто-то спас, но француз... Что это? Совпадение или... Впрочем, тогда эти территории еще принадлежали Франции, и появление французов в прериях и девственных лесах североамериканского континента было в порядке вещей. Гораздо важнее было то, что Вачиви показала себя по-настоящему отважной, иначе она просто не решилась бы, да и не сумела убить вождя и бежать. Вероятно, упомянутый в рассказе таинственный француз и переправил Вачиви к себе на родину, но что было дальше? Выяснить это не представлялось возможным, во всяком случае сейчас, но Бриджит не особенно огорчилась. Все, что ей нужно было узнать о Вачиви, она уже знала: юная индианка, горячо любимая братьями и отцом, была захвачена в плен враждебным племенем и отдана в наложницы вождю; каким-то образом ей удалось убить его и бежать, после чего некий француз помог ей перебраться во Францию. Похоже, Вачиви была не только красивой, но и умной женщиной. Второй рассказчик называл ее злым духом, но в ней не было ничего злого или колдовского – просто она оказалась гордой, отважной, неукротимой натурой, которую не смогли сломить плен и другие невзгоды. Именно такая женщина могла в конце концов стать маркизой де Маржерак.

Бриджит очень не хотелось уезжать из Су-Фолс, но она уже узнала то, ради чего приехала в Южную Дакоту, – нашла сведения о Вачиви, подтверждающие ее догадку. От души поблагодарив Джен, которая так ей помогла, Бриджит вернулась в мотель, собрала свои вещи и успела на рейс до Бостона. Спокойствие и душевное равновесие вновь вернулись к ней – казалось, она снова обрела былую уверенность в себе. Мысли о Теде, о работе ее уже не тревожили так, как раньше, – сейчас Бриджит могла думать только о Вачиви. Что-то еще она узнает о своей родственнице, когда начнет раскапывать французскую часть семейной истории де Маржерак-ков?! Вачиви была замечательной женщиной, и Бриджит не сомневалась, что найдет сведения о ней и во французских архивах. Ей казалось – это будет сравнительно просто: в конце концов, не каждый день индианка из племени сиу выходит замуж за маркиза. Скорее всего, это был единственный случай в истории, и он не мог не быть описан в хрониках того времени. Кто-то из современников маркиза де Маржерака наверняка упомянул об этом в своих письмах или в дневниках, а возможно, что-то можно было бы отыскать и в официальных документах, и Бриджит надеялась, что след Вачиви все-таки обнаружится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.